

Эмилио САЛЬГАРИ

СЫН КРАСНОГО КОРСАРА

Серия исторических романов

Эмилио Сальгари
Сын Красного корсара

«ВЕЧЕ»

1908

Сальгари Э.

Сын Красного корсара / Э. Сальгари — «ВЕЧЕ»,
1908 — (Серия исторических романов)

Потрясенные разбойничьим рейдом Моргана и уничтожением Панама, испанцы объявили жестокую войну пиратам и их пособникам – буканьерам. На островах Карибского архипелага, где обитали эти главные поставщики дичи для кораблей под черным флагом, испанцы перебили всех диких быков и кабанов, чем только усложнили ситуацию. Из сухопутных охотников буканьеры превратились в отчаянных морских бродяг-стервятников, которые причинят массу убытков испанским колониям Мексиканского залива и Тихого океана во второй половине XVII века. Роман итальянского писателя Эмилио Сальгари (1862–1911) «Сын Красного корсара» был трижды экранизирован. На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Об авторе	5
Часть первая	7
Глава I. Маркиза де Монтелимар	7
Глава II. Жестокий поединок	16
Глава III. Петушины скачки	26
Глава IV. Охота на графа ди Вентимилья	34
Глава V. Бегство фрегата	42
Глава VI. Буканьер	52
Глава VII. Охота за людьми	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эмилио Сальгари

Сын Красного корсара

Об авторе

В 1862 году в той части Италии, что навсегда связана с самой романтической и «печальной повестью на свете», в городе Вероне родился один из популярнейших романтиков XIX века, чья жизнь закончилась не менее трагично, чем у героев знаменитой пьесы Шекспира.

Эмилио Карло Джузеппе Мария Сальгари — таково полное имя будущего «итальянского Жюль Верна» — с детства отличался непокорным нравом и любознательностью, грезил о вольной жизни, полной странствий и приключений, мечтая стать капитаном дальнего плавания. Эмилио поступил в венецианское навигационное училище, но так и не смог его закончить.

Начав писательскую карьеру в качестве журналиста, Сальгари быстро отошел от бытовой газетной хроники, переключившись на литературу, полную экзотики и стремительно развивающихся событий. Свою первую историю с продолжением («Дикари Папуасии») он опубликовал в 1883 году в четырех номерах миланского еженедельника «Ла Валиджа».

Несостоявшийся моряк вовсе не собирался отказываться от своей мечты, а потому подписывал ранние сочинения просто — «капитан Сальгари». Одного рьяного журналиста, который засомневался было в праве писателя на это звание, Эмилио, недолго думая, вызвал на дуэль и победил.

У «капитана из Вероны» был несомненный дар убеждать. Многие читатели Сальгари были уверены, что он лично встречался с легендарными покорителями Дикого Запада, плавал с пиратами в южных морях, побывал в Австралии, Африке и на Дальнем Востоке. «Тигры Момпрачема», «Пираты Малайзии», «Черный корсар», историко-приключенческие «Капитан Темпеста», «Дамасский лев», «Гибель Карфагена» — эти и многие другие романы принесли Сальгари славу национального писателя. Его талант и мастерство рассказчика итальянцы с гордостью сравнивали с лучшими книгами Жюль Верна и Райдера Хаггарда, Гюстава Эмара и Александра Дюма.

В 1892 году писатель женился на театральной актрисе Иде Перуцци и переехал в Пьемонт. Чтобы содержать дом и обожаемую семью, Сальгари трудился не покладая рук, выдавая в год от трех до семи романов, а между делом сочинял свои бесконечные повести и рассказы.

3 апреля 1897 года за заслуги перед отечеством писатель был удостоен звания рыцаря Ордена итальянской короны. Сама королева Италии Маргарита Савойская являлась поклонницей его творчества.

Но высокая правительственная награда, читательская популярность и большие тиражи не смогли уберечь писателя от нужды. Напрямую завися от издателей, этот неутомимый каторжник пера зачастую испытывал очень серьезные финансовые затруднения. Совершенно неожиданно ситуацию усугубила еще и тяжелая болезнь жены. Когда дело дошло до того, что супругу пришлось поместить в клинику для душевнобольных, нервная система самого писателя тоже не выдержала. Без любимой женщины жизнь потеряла для него всякий смысл. В 1911 году на фоне мучительной депрессии писатель покинул дом и, по обычаю японских самураев, сделал себе харакири.

Он прожил всего 48 лет, успев за четверть века творческой деятельности создать две сотни произведений (более восьмидесяти из них — романы). В истории литературы XIX столетия Сальгари был одним из первых, кто громко заговорил о судьбах народов, чуждых евро-

пейской культуре, открыто осуждая захватнические и колониальные войны. На сегодняшний день Сальгари входит в когорту самых переводимых итальянских авторов. Кинематографистами разных стран создано более 50 фильмов по его книгам. Самым известным персонажем Сальгари является принц Сандокан — бесстрашный борец за свободу Индии и герой большого цикла из 11 романов.

В 1998 году именем Сальгари был назван один из астероидов, а совсем недавно, к столетию со дня смерти писателя, в Италии выпущена марка с его портретом, двумя чайками, парящими над морем, и кораблем, плывущим на всех парусах. То, чем жил, о чем мечтал и к чему стремился писатель — свобода, любовь и романтика дальних странствий, — эти три основных компонента его творчества по-прежнему заставляют трепетать страницы, которые листают все новые и новые поколения читателей книг отважного «капитана из Вероны».

В. Матющенко

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ЭМИЛИО САЛЬГАРИ:

Серия об Антильских пиратах:

- «Черный корсар» (Il Corsaro Nero, 1898)
- «Королева Карибов» (La regina dei Caraibi, 1901)
- «Иоланда, дочь Черного корсара» (Jolanda, la figlia del Corsaro Nero, 1905)
- «Сын Красного корсара» (Il figlio del Corsaro Rosso, 1908)
- «Последние флибустьеры» (Gli ultimi filibustieri, 1908)

Серия о Сандокане:

- «Тайны Черных джунглей» (I Misteri della Jungla Nera, 1887)
- «Тигры Момпрачема» («Жемчужина Лабуана») (Le Tigri di Mompracem, 1884)
- «Пираты Малайзии» (Pirati della Malesia, 1896)
- «Два тигра» (Le due Tigri, 1904)
- «Владыка морей» (Il Re del Mare, 1906)
- «Завоевание империи» (Alla conquista di un impero, 1907)
- «Возвращение Сандокана» («В дебрях Борнео») (Sandokan alla riscossa, 1907)
- «Возвращение в Момпрачем» (La riconquista del Mompracem, 1908)
- «Брамин из Ассама» (Il Bramino dell'Assam, 1911)
- «Крах империи» (La caduta di un impero, 1911)
- «Месть Янеса» (La rivincita di Yanez, 1913)

Часть первая

Глава I. Маркиза де Монтелимар

– Господин граф де Миранда!

Слуга с угольно-черной кожей, наряженный в форменный камзол из голубого шелка с пущенными по гладкому полю большими желтыми цветами, громко выкрикнул эти слова, и они произвели сильное впечатление на множество гостей, заполнивших роскошно убранные залы маркизы де Монтелимар, очаровательной сеньоры, превозносимой в Сан-Доминго всеми искателями приключений, а также всеми чиновниками и офицерами, морскими и сухопутными.

Сразу же приостановились танцы, весьма оживленные до той поры. И дамы, и кавалеры заторопились к дверям большого зала, словно их влекло непреодолимое любопытство увидеть вблизи этого графа, который за считанные часы, что он пробыл в Сан-Доминго, умудрился обратить на себя внимание многих.

Черный привратник едва успел приподнять богатую камчатную портьеру с длинной золотой бахромой, как объявленная персона появилась.

Это был очень красивый молодой человек лет двадцати восьми – тридцати, высокого роста, с тончайшими чертами лица, выдававшими аристократическое происхождение, горящими глазами глубокого черного цвета, черными же усами и белейшей кожей, крайне необычной для командира фрегата, плавающего под жгучим солнцем Мексиканского залива¹.

Этот странный и интригующий человек был одет, кто знает по какой прихоти, во все красное.

Именно такого цвета был камзол, красными были нашивки, штаны, нарядная фетровая шляпа с длинным пером, а также кружева, перчатки и даже высокие сапоги; из красной кожи были сделаны и ножны шпаги.

Граф, увидев перед собой стольких людей, внимательно рассматривавших его, слегка нахмурился, словно раздраженный их любопытством, потом вежливо снял шляпу, грациозно повел ею, прикоснувшись ее длинным пером к ковра, и слегка поклонился, продолжая удерживать левую руку на рукояти шпаги.

Маркиза де Монтелимар поспешила расчистить проход среди гостей и приблизилась к графу.

Не напрасно ее называли прекраснейшей вдовой Сан-Доминго! Это была роскошная уроженка Кастилии, еще молодая, так как не прожила на свете и двадцати пяти весен, высокая, стройная, гибкая, с миндалевидными лучезарными глазами, иссиня-черными волосами и белой, как алебастр, кожей – такой цветовой контраст присущ креолкам с берегов Мексиканского залива.

Муж ее, старый маркиз, всего несколько лет назад был убит в сражении с флибустьерами. Несмотря на свое вдовье положение, маркиза была одета в белое шелковое платье, украшенное спереди мелкими изумрудами, тут и там искусно собранными в группы, а на белоснежной шее красовались две нитки калифорнийских жемчугов немыслимой ценно-

¹ Мексиканский залив – фактически в романе говорится не столько о Мексиканском заливе, сколько о Карибском море, к которому порой добавляется юго-западная часть акватории собственно Мексиканского залива. Иногда эта акватория называется также Большим заливом. – Здесь и далее примечания переводчика.

сти. Она остановилась перед графом, отвесив грациозный поклон, сопровождаемый очаровательной улыбкой, а потом, протянув гостю руку, сказала:

– Рада, что вы, граф, приняли мое приглашение.

– Маркиза, люди моря грубы, но они никогда не отклоняют приглашений, особенно в тех случаях, когда таковые исходят от столь прекрасной дамы, как вы.

Эти слова заставили нахмуриться не одно лицо; среди почитателей маркизы они вызвали неодобрительный шепоток.

А граф де Миранда резко обернулся, гордо опираясь левой рукой на рукоятку шпаги и подбоченившись правой, и громко сказал:

– Кажется, кому-то не нравятся мои слова. Так знайте, что мы, люди океана, умеем не только управлять судном; нанести противнику хороший удар – нам тоже под силу.

– Вы ошибаетесь, сеньор, – сказала маркиза. – Собравшиеся здесь весьма уважают людей, которые, несмотря на бури и прочие опасности, защищают нас от флибустьеров острова Тортуга.

Никто не осмелился возразить, и лица прояснились. Один лишь капитан гранадских алебардчиков, ростом на добрую ладонь выше молодого графа, все еще не мог успокоиться.

– Сеньор, – сказала маркиза де Монтелимар, – вы не желаете предложить мне свою руку? Мне будет очень приятно опереться на сильную руку моряка.

– Который готов отдать свою шпагу, да и всю свою жизнь в ваше распоряжение, маркиза, – ответил молодой красавец, дерзко поглядывая на гостей, выражавших некоторое недовольство предпочтением, которое молодая вдова оказала никому не известному капитану.

– Этого я не требую. Вы танцуете?

– Да, маркиза, но только на французский манер, поскольку я воспитывался в Провансе.

– Как это? Разве вы не испанец? Если не ошибаюсь, де Миранда – кастильский род?

– Чистокровный испанец, но мой отец женился на француженке и ребенком отдал меня на воспитание родителям моей матери.

– Мне и в самом деле показалось, что ваше произношение отличается от нашего.

– Моряки странствуют по разным краям, так что порой забывают правильный выговор родного языка. Вот и я очень долго жил в Италии.

– Ах, вот почему вы так приятно говорите. О, Италия! Я тоже там бывала... Откуда же вы прибыли теперь?

– Из Вера-Круса, маркиза.

– Пережив по пути Бог знает сколько приключений!

– Нет, маркиза: всего лишь один шторм да пару абордажей с кораблями флибустьеров.

– Вы их потопили, надеюсь?

– Взял на буксир, пленив предварительно экипаж.

– А куда сейчас направляетесь?..

– Я остаюсь здесь защищать Сан-Доминго.

– Нам кто-то угрожает?

– Говорят, что буканьеры в союзе с флибустьерами готовятся напасть на этот город, но на своем пути они встретят сорок пушек моей «Новой Кастилии», и клянусь вам, маркиза, что я...

Граф внезапно прервался и посмотрел вбок.

Капитан алебардчиков, тот самый, что незадолго до этого ворчал больше других, красивый мужчина лет сорока, высокий, как гренадер, с длинными усами, свисающими по-китайски вниз, остановился в нескольких шагах, словно желая подслушать их разговор.

Как только молодой моряк прервался, капитан поспешно отвернулся, нетерпеливо схватившись за рукоятку своей длинной шпаги, и столкнулся с дамой, пересекавшей в этот момент зал.

– Кто этот господин? – спросил граф нахмурившись.

– Граф де Сантьяго, капитан алебардчиков Гранадского полка, – ответила маркиза де Монтелимар улыбнувшись. – Он вас заинтересовал?

– Ничуть, сеньора. Мне кажется, он преследует нас, чтобы подслушать, о чем мы говорим.

– Он мой обожатель.

– А их, должно быть, немало у такой красивой женщины.

– О, граф! – воскликнула маркиза, стукнув по руке своим богатым веером с золотыми пластинками.

– Он любит вас?

– Безумно. На прошлой неделе он заколол шпагой морского офицера, потому как подумал, что я отдала предпочтение этому несчастному лейтенанту.

– Ах, так капитан ревнив?

– Он удачливый дуэлянт, как это говорится, – добавила маркиза.

– Хотел бы я испытать хоть немного его умение, – с иронией проговорил граф.

– Остерегайтесь этого, сеньор де Миранда!

– Маркиза, вы полагаете, что такой человек, как я, боится этого капитана?

– Нет, граф, но мне было бы жалко...

– Чего?

– Если бы вас настигло какое-нибудь несчастье, – ответила маркиза, и голос ее, как показалось молодому человеку, невольно изменился от волнения.

Он отнял свою руку и удивленно посмотрел на маркизу:

– И вам, знающей меня всего каких-нибудь пять минут, – сказал он, – вам было бы неприятно, если бы со мной случилась беда?

– Я восхищаюсь такими смелыми и любезными людьми, как вы, граф.

У молодого человека перехватило дыхание, потом он сказал вполголоса:

– Странно... даже мой дядя...

Но он тут же прервался, прикусив губу.

– Что вы сказали, граф? – переспросила маркиза.

– Музыка и в самом деле великолепна, нам надо станцевать это восхитительное фанданго².

– Как раз это и я хотела предложить вам.

– К вашим услугам, маркиза.

Танцы продолжились.

Дамы и кавалеры стремительно кружились в роскошных залах дворца Монтелимар, наэлектризованные дюжиной музыкантов, скрытых за неким подобием небольшого сада, который образовали два ряда пышных бананов. Огромные листья растения достигали золоченого потолка.

Граф встал рядом с маркизой, и они легко смешались с круговоротом танцующих.

Некоторые из танцоров даже остановились, чтобы полюбоваться на очаровательного молодого человека и его не менее очаровательную партнершу, пораженные их легкостью и грацией.

Никогда прежде они не видели столь хорошо танцующего моряка.

² Фанданго – испанский парный народный танец, исполнялся под сопровождение гитары, кастаньет и сольного пения.

Фанданго закончилось, и граф только что проводил маркизу к ее месту, когда позади себя услышал голос:

– Сеньор, вы, кто так хорошо танцует! Может быть, вы столь же хорошо умеете играть?

Молодой капитан «Новой Кастилии» живо обернулся и не очень-то удивился, увидев капитана алебардщиков Гранадского полка.

Мгновение граф его рассматривал, а потом ответил с некоторой долей иронии:

– Кабальеро должен уметь танцевать, играть и наносить удары шпагой, когда представится случай.

– Пока что я предлагаю вам только сыграть, – сказал капитан алебардщиков.

– Если вам это доставит удовольствие, я к вашим услугам, граф де Сантьяго.

– Как? Вы знаете меня? – изумился капитан.

– Так... случайно.

Немного побледневшая маркиза ди Монтелимар поднялась с места.

– Граф ди Сантьяго, чего вы хотите от графа де Миранда? – спросила она.

– Ничего иного, сеньора, кроме как предложить ему сыграть партию в карты, – ответил капитан. – Моряки предпочитают игры танцам, не правда ли, граф?

– Иногда, – сухо ответил молодой человек.

– И потом, вы уже станцевали с королевой праздника.

– Но если маркиза захочет сделать еще один тур, я немедленно откажусь от партии, которую вы мне предлагаете, что бы потом ни случилось.

– Вечер еще не подошел к концу, и у вас будет время подвигать ногами, сколько хотите, – с тонкой иронией заметил капитан алебардщиков.

– Граф, не играйте, – сказала маркиза.

– О, это будет только одна партия! – ответил молодой моряк. – Есть такие развлечения, которые нравятся мореходам. Пойдемте, сеньор де Сантьяго.

Он галантно поцеловал руку маркизы де Монтелимар и последовал за угрюмым капитаном алебардщиков, сделав предварительно прекрасной вдове скрытный знак, словно говоря: «Не беспокойтесь обо мне».

Они пересекли просторный, залитый светом зал, где морские и сухопутные офицеры весело танцевали с самыми очаровательными сеньорами и сеньоритами Сан-Доминго, и вошли в маленькую гостиную, где дюжина офицеров, по большей части старых, играли и курили большие гаванские сигары, нисколько не интересуясь течением бала.

Обычные и двойные дублоны³ поблескивали на игорных столах, а кости и карты игроки бросали с завидной беспечностью, скорее наигранной, чем настоящей.

– Господин граф, – сказал капитан алебардщиков, – что вы предпочитаете: карты или кости?

Молодой капитан фрегата на мгновение задумался, а потом ответил:

– Кости, мне кажется, дают больше эмоций, чем карты. И это отлично подходит для людей военной профессии, привычных к шпаге и пушкам. Не так ли, сеньор де Сантьяго? Мы же не похожи на мирных владельцев плантаций сахарного тростника или индиго!

– Вы остры на язык, граф.

– Это от соленой морской воды, – улыбнулся молодой человек. – Мы, люди моря, насквозь просолены ею.

– Тогда как мы, напротив, пропахли дымом, – ответил капитан алебардщиков.

– Почему?

– Потому что мы вечно живем в лесах, охотясь на буканьеров.

³ Дублон – испанская золотая монета достоинством в два эскудо, чеканилась в 1566–1849 гг.; с 1684 г. (а это как раз – время действия романа) вес ее составлял около 6,1 г золота.

– И много вы убиваете этих негодяев?

– Уфф! Порой случается, что кто-нибудь из них погибает от наших аркебуз⁴, но почти никогда такого не происходит от алебард нашей стражи. Едва эти мошенники слышат говор аркебуз, они убегают, как зайцы, вместо того чтобы атаковать.

– Кто? Буканьеры или наши?

– Наши, граф!

– Они такие пугливые?

– Иногда достаточно одного хорошо укрывшегося в лесу буканьера, чтобы обратить в бегство наших алебардщиков. И заметьте, они никогда не отправляются в поход, если в отряде не наберется по крайней мере пятьдесят человек.

– Ну и храбрецы! – сказал граф де Миранда со слегка язвительной улыбкой.

– Каррай!⁵ Хотел бы я вас увидеть на их месте!

– Я атаковал бы их, встав во главе своих матросов.

– Знаем мы, как отличаются команды наших галеонов! – насмешливо бросил капитан. – После первых же пушечных выстрелов они спускают испанский флаг и отдают негодям с Тортуги все слитки золота, что находятся в трюмах.

– Ну, мои-то ... – граф де Миранда остановился, прикусив губу, словно он передумал высказать что-то, и перевел разговор на другую тему:

– Ну, так будем мы играть, капитан?

– Для этого я вас и пригласил. Посмотрим, что приносит любовь – удачу или несчастье.

– Что вы хотите сказать?

Граф де Сантьяго, не отвечая, сделал знак черному слуге, одетому в шелковую ливрею, и приказал:

– Кости. Мы хотим играть.

– Сейчас принесу, господин граф.

И вскоре принес на серебряной тарелочке с тонкой чеканкой маленькую золотую чашку с двумя костями, выточенными из зуба морской свиньи⁶.

– Во что будем играть, сеньор граф де Миранда? – спросил капитан алебардщиков.

– Во что хотите.

– Следите за своими словами.

– Почему, сеньор граф де Сантьяго? – с наигранным безразличием спросил молодой человек.

– Каррай!

– Карамба!⁷ Богохульствуете, господин граф.

– Вы тоже, как мне показалось.

– О! Но я-то моряк! Впрочем, и вам никто не запрещает богохульствовать. И мореходы, и сухопутные люди временами полностью сходятся на этом... поле.

– Вы остроумны, граф.

– Случается.

– Во что играем?

– Я вам уже сказал: во что хотите.

⁴ Аркебуза – фитильное дульнозарядное ружье. К концу XVII в., когда происходит действие романа, аркебузы уже устарели и были заменены более совершенным оружием – мушкетом (хотя в справочниках и утверждается, что они оставались на вооружении до середины XVIII в.). Судя по всему, в данном романе речь идет о мушкетах. Название «аркебуза» еще какое-то время употреблялось для обозначения ружей вообще, чем и воспользовался автор.

⁵ Каррай (исп. *caigai*) – крепкое словцо, передающее состояние неудовольствия, изумления и т. д.

⁶ Морская свинья – животное из подотряда зубатых китов; прежде морских свиней включали в семейство дельфиновых, позднее выделили в особое семейство.

⁷ Карамба (исп. *caramba*) – «Черт побери!»

– В живую шкуру?

Молодой человек с удивлением посмотрел на капитана.

– Не знаю, что это такое. Может быть, акулья шкура?

Капитан гранадских алебардчиков самым вызывающим образом уперся руками в бока, а потом серьезно сказал:

– Среди сухопутных воинов есть привычка разыгрывать плоть, когда они устают бросать золото на стол.

– То есть? – спокойно спросил граф де Миранда.

– Кто проигрывает, тот вышибает выстрелом из пистолета свои мозги.

– Скверная игра!

– Зато очень интересная, потому что на кон поставлена жизнь.

– Я предпочитаю рисковать дублонами, – ответил молодой человек. – Это я нахожу более удобным.

– А когда денег больше нет?

– Тогда я покидаю игорный стол и отправляюсь спать в свою каюту. По крайней мере, так принято на море.

– Но не у нас!

– Черт! Неужели мы так различаемся, господин граф?

– Возможно! – сухо ответил капитан.

– У вас очень плохой вкус.

– Вы хотите оскорбить меня?

– Я? Ни в коем случае, капитан. Я пришел сюда играть, а не раздражаться и не скандалить. Что бы тогда сказали про меня?

– Возможно, вы и правы.

– Так оставьте в покое шкуры, живые или мертвые, и будем играть на дублоны или пиастры⁸. По крайней мере, из-за них нельзя ни продать себя, ни убить.

– Сколько ставите?

– Сто пиастров, – ответил молодой человек.

– Хотите разорить меня?

– Нет, поскольку я плохой игрок, сеньор де Сантьяго. А кроме того, мне не везет ни в карты, ни в кости.

– Зато вам везет с хорошенькими сеньорами, больше всего с маркизами, – капитан был почти вне себя.

– В море мне попадались только корабли, а на них чаще всего я встречал корсаров, и уверяю вас, что поцелуев они мне не дарили. Напротив, на мои приветствия они отвечали зарядами крупного калибра, от которых мои люди обливались холодным потом.

– Но на суше-то вы с женщинами встречаетесь.

– Сеньор де Сантьяго, я пришел в эту гостиную поставить на кон несколько тысяч пиастров, а не заниматься болтовней. Вы должны бы знать, что моряки не любят много болтать... Сто пиастров?

– Идет! – ответил граф де Сантьяго, пренебрежительно махнув рукой.

– Хотите быть первым?

Капитан, не отвечая, взял золотую чашечку, перемешал в ней кости. А потом выбросил их на стол.

– Тринадцать! – сказал он. – Вот номер, который принесет мне удачу.

⁸ Пиастр (или испанский талер) – популярное название песо, испанской серебряной монеты весом 25 г. Однако часто это название применялось к золотым монетам вообще, в частности – к эскудо, в котором содержалось 3,03 г золота. Таким образом, пиастр можно считать равным половине дублона.

- Вы суеверны?
- Нет, во всяком случае, сердце мое ёкнуло от этого числа.
- Тогда вы умрете очень скоро, – засмеялся граф де Миранда.
- От чьей руки?
- Я никогда не считал себя вещуном.
- От руки соперника?
- Быть может.
- Не верю в это, потому что последнего из них я убил на прошлой неделе по одному лишь только подозрению.

- Очень уж вы быстры на руку, сеньор де Сантьяго.
- И она всегда будет такой, как только сожмет шпагу.
- Да и моя в таком случае не промедлит, – парировал молодой человек.

Капитан алебардчиков пристально посмотрел на него, словно хотел хорошенько понять смысл этих слов, а потом сказал:

- Ваша очередь.

Граф де Миранда взял в свои руки чашечку, встряхнул в ней кости и высыпал их на стол.

– Четырнадцать! Что за комбинация! – воскликнул он. – Черт возьми! Тринадцать и четырнадцать! Что означают эти два числа, таких близких?

Капитан алебардчиков провел рукой по нахмуренному лбу. Очевидное беспокойство отразилось на его лице.

- Что вы на это скажете, сеньор де Сантьяго? – спросил молодой человек.
- Что вы выиграли мою сотню пиастров.
- Это меня не волнует; я говорю о двух числах.
- Я тоже не предсказатель.
- Продолжим?

– Да, я хотел бы посмотреть, как сложится новая комбинация чисел. Предлагаю вам три попытки, по пятьсот пиастров каждая.

- Согласен; бросайте.

Капитан взял чашечку и, нервно перемешав кости, вытряхнул их на столик. Ругательство едва не сорвалось с его губ, а на лбу выступили капельки пота.

- Опять тринадцать! – выкрикнул он. – Уж не с дьяволом ли я играю?
- Действительно, я одет как он! – по-прежнему отшутился граф де Миранда.
- Играйте, черт побери!
- Двенадцать! – вслух произнес молодой человек.

Капитан вздрогнул.

– Тринадцать находится между двенадцатью и четырнадцатью! – сказал он, стукнув кулаком по столу.

- Вы не находите все это странным, граф?
- В самом деле, над этим стоит подумать.
- Но фатальный-то номер у меня!
- Однако вы выиграли у меня пятьсот пиастров. Этой суммой может удовлетвориться даже капитан алебардчиков.

- Я предпочел бы потерять их, лишь бы выпало другое число.
- Ни я, ни вы не можем командовать костями. Продолжим.

Игра возобновилась, и граф де Миранда выиграл еще тысячу пиастров: ему выпало пятнадцать и семнадцать против четырнадцати и шестнадцати.

Капитан поднялся в плохом настроении, и в этот самый момент слуги объявили, что наступила полночь и праздник закончился.

– Завтра я отправлю вам на борт тысячу сто пиастров, которые вы у меня выиграли, граф, – сухо сказал сеньор де Сантьяго.

– Не торопитесь, – ответил молодой человек.

– Надеюсь, вы предоставите мне возможность отыграться.

– Когда захотите.

– Но только не здесь.

– Почему?

– В этом доме мне не везет.

– И нельзя вволю ссориться, не так ли, капитан? – с усмешкой спросил де Миранда.

– Может быть, – ответил капитан. – Доброй ночи, граф.

Сказав это, он вышел из гостиной и направился в зал, где дамы и кавалеры столпились подле маркизы де Монтелимар для прощания.

Командир «Новой Кастилии» задержался, прислонившись к дверному косяку.

Видимо, он ждал, пока гости разойдутся.

По выражению его лица было видно, что он озабочен не меньше графа де Сантьяго. Левой рукой он сжимал рукоятку своей шпаги и нервно подкручивал усы. Когда роскошный зал почти опустел, граф, в свою очередь, приблизился к маркизе, которая, казалось, уже искала его взглядом.

– Сеньора, – сказал он, поклонившись, – простите меня за то, что я не вернулся, чтобы еще раз протанцевать с вами, но я был вовлечен в очень трудную игру.

– С капитаном алебардщиков? – спросила прекрасная вдова с некоторой тревогой.

– Да, маркиза.

– Вы не поссорились с ним?

– Нисколько.

Маркиза облегченно вздохнула.

– Остерегайтесь его, господин граф, – помолчав, сказала она. – Это очень опасный человек.

Де Миранда стукнул кулаком по рукоятке шпаги.

– Когда со мной этот клинок, я не боюсь всех вместе взятых капитанов алебардщиков Испании, Франции или Италии! – гордо бросил он. – Маркиза, когда я смогу увидеться с вами? Мне нужно получить от вас очень важную информацию.

– От меня?

– Да, маркиза.

– Тогда завтра вы сможете позавтракать со мной.

– Завтра, – сказал граф, и по его лицу пробежала легкая тень, – может быть очень поздно.

– Вы рассчитываете так быстро уехать? Но ведь вы прибыли только сегодня утром.

– Верно, маркиза, но бывают такие случаи, когда не можешь распоряжаться собственным временем. Я могу остаться, но могу и сняться с якоря с минуты на минуту. Однако я не хотел бы покидать порт, прежде чем побеседую с вами.

– Но разве вы не прибыли охранять Сан-Доминго от нападений корсаров с Тортуги и буканьеров?

– Я не могу ответить на этот вопрос, маркиза.

– И тем не менее вы не должны исчезнуть так скоро. Вы ездите верхом, граф?

– Да, маркиза.

– Завтра состоятся петушинные скачки, и я бы желала, чтобы вы приняли в них участие.

– Почему?

– Наградой победителю будет мой поцелуй, и выигравший также должен поцеловать меня.

Граф де Миранда слегка вздрогнул.

– Что бы ни произошло, – сказал он, – я буду участвовать в скачках. Доброй ночи, маркиза, мы увидимся, потому что это необходимо.

Он поцеловал руку прелестной вдовы и вышел в сопровождении слуги-мулата, с трудом державшего тяжелый серебряный канделябр. В то же самое время последние гости покинули великолепный дворец Монтелимар.

Глава II. Жестокий поединок

- Сегодня вечером бакан⁹ задерживается.
 - Набей в трубку в два раза больше табака, мой дорогой Мендоса. Я загнал его туда на два пальца, и теперь тяга замечательная. Как ты думаешь, какая разница между ступенями этой церкви и ступеньками судовых настроек?
 - На «Новой Кастилии» есть хотя бы что выпить, Мартин.
 - Но там и бомбы сыпятся, Мендоса, а у испанцев они не менее грозные, чем наши.
 - Не буду возражать, дружок, в любом случае там я чувствую себя лучше. По крайней мере, есть пушки, чтобы отвечать.
 - А твоя драгинасса¹⁰ что, не считается? А пистолеты твои, может быть, заряжены табаком? Вечно ты ворчишь, Мендоса, как это и положено старому моряку.
 - Однако скажи, Мартин, умеет ли ворчун так же хорошо работать шпагой и саблей.
 - Если бы это было не так, сеньор ди Вентимилья, племянник знаменитого Черного корсара, не выбрал бы тебя в сопровождающие.
 - Ты всегда прав, Мартин. Музыка закончилась?
 - Я ее больше не слышу.
 - Тогда капитан скоро придет.
 - Набей трубку.
 - Тяга у нее, как в камине.
 - Ложись-ка и вздремни, если тебе хочется. Я посторожу.
 - Ты смеешься надо мной, канонир. Старому моряку с «Молнии», служившему еще у Черного корсара, заснуть в тот момент, когда молодому графу ди Вентимилья угрожает, возможно, опасность? Ты спятил, Мартин.
 - Тогда набей в трубку три порции табака.
 - Даже десять, если хочешь, лишь бы не закрывались глаза, лишь бы можно было защитить сына бедного Красного корсара.
 - Тише, Мендоса. Кто-то идет.
- Двое мужчин, сидевших на широкой лестнице старой церкви, резко поднялись, держа руки на пистолетах, наполовину спрятанных в повязках из красной шерсти, укрепленных на боках.
- Это были люди очень крепкого сложения, сильно различавшиеся по возрасту. Тот, кто звался Мендосой, прожил никак не меньше пятидесяти лет, другому едва ли стукнула половина. Оба были среднего роста, коренастые, с огромными ручищами, могучей грудью и основательно посаженными бычьими спинами.
- Только цветом кожи они различались. Тогда как у первого кожа всего лишь побронзовела на ветрах и солнце, второй был совершенно черный, да к тому же у него отсутствовала растительность вокруг губ и на подбородке.
- Идет? – спросил старший. – У тебя глаза получше моих. Я не такой дикарь, как ты, мой дорогой Мартин.
 - Не ожидал я такого оскорбления с твоей стороны.
 - Он отрицает свое родство с Вельзевулом. Говорят ведь, что дьявол черный.
 - Ты его никогда не видел, Мендоса.

⁹ Бакан – хозяин.

¹⁰ Драгинасса (итал. draginassa) – шутовское название длинной шпаги или большой сабли. Первоначально это было собственное имя одной из шпаг времен Ренессанса. Оно позаимствовано у Данте: похоже звали одного из дьяволов в «Божественной комедии» – Драгинаццо (Ад, песня XXI).

– И даже никогда не стремился к этому, – ответил старший. – Ну, видишь?

– К нам приближается мужчина.

– Это сеньор ди Вентимилья?

– Леопард я, что ли?

– Тем не менее и отец твой, и дед знавали этих чудесных зверей, когда жили в их краях.

В этот момент послышался легкий свист, потом человек быстрым шагом направился к церковной лестнице.

– Сеньор ди Вентимилья! – вскрикнули оба моряка, поднимаясь на ноги. Это и в самом деле был граф де Миранда, или, лучше сказать, ди Вентимилья, племянник знаменитого Черного корсара. Он шел, время от времени оглядываясь назад, словно боялся, что его кто-то преследует.

– Доброй ночи, храбрецы, – сказал он. – Какие новости, Мендоса?

– Не слишком хорошие, господин граф, – ответил старый флибустьер.

– Вы ничего не узнали о кавалере Баркисимето?

– Мы расспросили больше двадцати человек и столько же упоили, но никто не мог нам сказать, где находится секретарь маркиза.

– Однако меня уверили, что он должен быть здесь, – сказал сеньор ди Вентимилья. – Только он может назвать имена тех, кто вынес позорный приговор Красному и Зеленому корсарам, а после приказал повесить их.

– Похоже, этот негодяй почуял опасность и дал тягу? Вы же знаете, что у испанцев много шпионов.

– Это невозможно! Наш фрегат все считают испанским судном, отправленным для защиты города от возможного сюрприза со стороны буканьеров и флибустьеров, – возразил граф. – Если бы у них было хоть какое-то подозрение, нас бы уже атаковали стоящие в гавани галеоны и каравеллы. Вы не заметили ничего необычного в порту?

– Нет, господин граф. На торговые суда весь день грузили сахар и кофе, а военные корабли не снимались с якоря, – ответил Мендоса.

– И тем не менее я не чувствую себя абсолютно спокойным. Достаточно малейшей неосторожности, и нас разнесут в щепки пушки фортов и кораблей.

– Никто не совершит неосторожного поступка, граф. Команду на берег не выпускают, а я еще поставил часовых возле обоих трапов и даже приставил надежных людей к шлюпкам.

– Несмотря ни на что, я хотел бы уйти отсюда как можно скорее. Наша комедия долго продолжаться не может, а дело свое мне надо здесь уладить. Ах, если бы я смог увидеться с маркизой хотя бы на десять минут, это значительно облегчило бы поиски неуловимого кабальеро. Она должна очень хорошо знать о подлости, совершенной ее деверем.

Он помолчал немного, а потом добавил:

– Не легла ли она спать? Что ж: проверим! Держите наготове шпаги, храбрецы, а также пистолеты.

– Вот уже три часа, капитан, как мы только и ждем случая подраться, – сказал Мартин.

– Следуйте за мной.

Убедившись, что на улице никого нет, они бесшумно пересекли ее и направились к дворцу Монтелимар, находившемуся неподалеку. Граф, не подходя к воротам, обогнул великолепный сад, огражденный железной решеткой, которая тянулась и вдоль торцов здания. Он взглянул вверх и заметил два освещенных окна.

– Она еще бодрствует, – прошептал граф.

Внезапно он вздрогнул.

Из открытых окон до него донеслись нежнейшие звуки.

Кто-то во дворце играл на мандолине. Кто? Ясно, что не слуга и не горничная. Они бы не осмелились взять в руки инструмент, если бы маркиза отправилась почивать.

– Неужели она? – спросил себя граф.

Он повернулся к морякам, обнажившим свои длинные шпаги, дабы избежать всякой неожиданности, и сказал им:

– Придется перелезть через ограду.

– Для моряков это детские игрушки, – ответил Мендоса.

– Пойдем на абордаж, – сказал Мартин.

Граф ухватился за решетку, полез наверх, ловкий, как белка, перемахнул через зубцы и скользнул вниз, приземлившись посреди великолепной цветочной клумбы. Почти одновременно с ним прыгнули в сад моряки.

– Нам предстоит схватка? – спросил Мендоса.

– Пока оставь в покое шпагу, – ответил граф ди Вентимилья. – Позже увидим, появится ли нужда в хорошей стали. Идемте, но без лишнего шума.

Они пересекли сад, стараясь не хрустеть гравием, которым были посыпаны дорожки, и остановились под освещенными окнами.

На мандолине продолжали играть сладчайшую сигнадилью¹¹.

– Это может быть только маркиза, – пробормотал граф. – Эту сигнадилью играли сегодняшним вечером на балу, и маркиза пытается воспроизвести ее... Неужели мне так повезло?

Гигантский бомбакс¹² высотой в добрых тридцать метров, с покрытым колючими наростами стволом, рос возле дворца, протягивая свои ветки почти к самым освещенным окнам и прямо над ними.

– Вот именно то, что мне нужно, – пробормотал граф. – Стойте здесь и ни о чем не думайте. Долго я не задержусь.

Он полез вверх по стволу, избегая наростов, чтобы не поранить руки, тогда как Мендоса и Мартин растянулись под деревом, почти полностью укрывшись в густой траве.

Сильному и ловкому молодому человеку хватило всего нескольких секунд, чтобы добраться до кряжистого сука, касавшегося одного из полуприкрытых освещенных окон.

Он взглянул через стекло.

Его взгляду открылся элегантный кабинет со стенами, увешанными гранадскими гобеленами, столь же элегантной была и его меблировка, хотя мебель стояла тяжеловесная, как это полагалось в те времена.

Комнату ярко освещали несколько свечей, вставленных в серебряный подсвечник.

Однако никого в комнате не оказалось, тем временем мандолина продолжала звучать.

Внимание молодого графа привлекло шелковое, усыпанное изумрудами платье, в котором маркиза появилась на празднике. Оно было брошено на маленький мавританский диван и поблескивало золотыми и серебряными искорками.

Граф уже готовился прыгнуть, когда услышал голос Мендосы:

– Кто идет?

Голос, который граф узнал сразу, ответил:

– Это я вас хочу спросить, мошенники: «Что вы здесь делаете?»

– Это мы-то мошенники?! – возмутился Мартин.

– Граф де Сантьяго! – процедил сквозь зубы сын Красного корсара.

¹¹ Сигнадилья (итал. signadilla) – справочники утверждают, что это слово придумал и всего пару раз употребил сам Э. Сальгари. Возможно, речь идет о сегидилье (исп. seguidilla), подвижном испанском народном танце-песне, появившемся в Кастилии, но с XVII в. распространившемся по всей Испании. Танец с песнями лирического или шуточного характера сопровождается игрой на гитаре, бандурриях, кастаньетах.

¹² Бомбакс – речь идет о гигантской, или пятитычинковой, сейбе (она же – капоковое, шерстяное, шелковое или хлопковое дерево); родина сейбы – Южная Америка.

Он находился на высоте всего около четырех метров, а потому, не раздумывая, спрыгнул с дерева. Мендоса и Мартин, со шпагами в руках, стояли лицом к лицу с капитаном алебардщиков, тоже обнажившим клинок.

– Ба! – с издевкой протянул граф де Сантьяго. – Граф де Миранда упал откуда-то сверху! Вы, видимо, решили запастись плодами бомбакса? Уверяю вас, они несъедобны и годятся только для выделки скверного хлопка.

– А вы пришли сюда собирать цветы, не так ли? – спросил покрасневший от гнева граф ди Вентимилья.

– Возможно, и так, но я их, по крайней мере, собираю на земле, тогда как вы ищете плоды возле окон и совершенно не задумываетесь о том, что можете лишиться жизни, если вдруг нога соскользнет с ветки. Жаль будет такого красивого молодого человека!

– Вы шутите, я полагаю, – сказал граф ди Вентимилья.

– А если и так? – спросил капитан.

– Полагаю, что здесь не место для шуток. Окна наверху освещены, а мне не хотелось бы, чтобы нас увидели.

– Маркиза де Монтелимар? – насмешливо бросил капитан. – Если эта персона вас волнует, мы можем поискать другое место, где нам никто не помешает. Мне знаком этот сад, и я знаю отличную лужайку, словно специально подготовленную для тех, кто желает скрестить шпаги!

– Вы меня вызываете?

– Понимайте, как хотите, меня это не трогает.

– Где эта лужайка? – взбешенно спросил граф ди Вентимилья...

– Торопитесь умереть?

– Пока что я жив, сеньор де Сантьяго, и если ваша рука быстра, то и моя не отстанет.

– Вот и договорились, – все тем же насмешливым тоном продолжал капитан. – Только предупреждаю вас: не далее как на прошлой неделе я заколол соперника, порядком поднадоевшего мне.

– Вы мне об этом уже говорили, и это не произвело на меня никакого впечатления. Я победил не одного капитана, и все они были испанцами, как и вы!

– Что вы сказали? – переспросил граф де Сантьяго.

Сын Красного корсара прикусил губу, разозлившись на себя за неосторожно сказанные слова.

– Господин граф, – сказал капитан, – вы готовы следовать за мной до той лужайки? Там мы сможем спокойно потолковать и развлечься.

– Конечно! – ответил сын Красного корсара.

– А эти люди? – Сеньор де Сантьяго указал на Мендосу и Мартина. – Они нам не мешают? Не вам, так мне?

– Что бы ни случилось, мои матросы не причинят беспокойства никому, даю вам слово чести.

– Этого мне достаточно. Пойдемте, господа. Может быть, вы для чего-нибудь и понадобитесь, – добавил он через несколько секунд с обычной насмешкой в голосе.

Капитан нырнул в пальмовые заросли, прошел сквозь них, все время сопровождаемый корсаром и двумя его матросами, и вышел на маленькую лужайку, заросшую особенно густой травой и окруженную со всех сторон роскошными пальмами.

– Вот то место, где можно свободно поговорить, – капитан повернулся к графу ди Вентимилья.

– А также убивать друг друга, и никто не сможет вмешаться, не так ли, капитан? – спросил сын Красного корсара.

Граф ди Вентимилья скрестил руки на груди и, глядя на графа де Сантьяго, освещенного лучами только что вошедшей луны, сухо произнес:

– Ну, и что вы теперь хотите? Говорите быстрее, потому что я очень спешу.

– Каррай! Вы слишком торопитесь навстречу смерти!

– Карамба! Кажется, вы слишком забыли кое о чем, господин капитан.

– О чем же?

– О том, что четырнадцать победило тринадцать.

– Хотите запугать меня?

– Нисколько. Мне, впрочем, рассказывали о вашей смелости.

– Покончим счеты, граф.

– Что вы желаете?

– Нанести вам хорошенький удар шпагой, – хрипло ответил капитан. – Когда соперник пересекает дорогу или бросает на меня тень, я посылаю его отдохнуть на кладбище Сан-Доминго.

– Вы жестоки.

– В этом вы скоро убедитесь сами, если не удерете.

– Что вы сказали, капитан? Я удеру от вашей шпаги? Я – дворянин, да к тому же человек, привыкший к войнам, милый мой болтун!

– *Rajo de Sol!*¹³ Вы оскорбили меня! – завопил граф де Сантьяго.

– И вы меня.

– Я убью вас в первой же атаке!

– А может, в двадцатой?

– Вы смеетесь надо мной?

– Вроде бы, – ответил сын Красного корсара, обнажая шпагу и принимая оборонительную позицию.

– Гром и молния!

– Молния и гром!

– Это слишком, граф де Миранда.

– А какая луна! Нам предстоит сражаться без факелов и фонарей. Господин капитан гранадских алебардчиков, я вас жду.

Граф де Сантьяго, в свою очередь, обнажил свою длинную шпагу, но вдруг, не становясь в позицию, сказал:

– Вы назвали себя графом де Миранда. Это на самом деле так?

– Я дворянин, и этого вам достаточно.

– Испанец?

– Вас не должно интересовать, испанец я или нет. Впрочем, если захотите узнать мое имя, вы найдете его вырезанным на клинке моей шпаги... А теперь, капитан, довольно разговоров: я тороплюсь.

Они оба встали в позицию, а Мендоса и Мартин отошли чуть подальше в сторонку, обеспечивая дуэлянтам большую свободу действий. Граф ди Вентимилья повернулся спиной к луне, величественно выплывавшей из-за пальм и светившей прямо в лицо капитану.

Они испепеляли друг друга гневными взглядами, потом капитан, казавшийся более нетерпеливым, несмотря на свой возраст, сделал три-четыре финта, проверяя, не выкажет ли противник свое искусство.

Молодой капитан «Новой Кастилии» не шевельнулся. Он стоял твердо, как скала, со шпагой наизготовку, и внимательно следил за противником.

¹³ *Rajo de Sol* (исп.) – буквально: «луч солнца»; здесь употреблено в значении некрепкого ругательства.

– Каррай! – закричал алебарщик. – Я уже вижу, что вы хорошо владеете клинком, но посмотрим, как вы парируете вот эти ложные выпады.

Сеньор ди Вентимилья не ответил. Судя по проявленному им спокойствию, дрался он на поединке, конечно, не впервые.

– Я пробью эту стену из плоти и стали, – сказал капитан, постепенно выходящий из себя. – Вот отличный удар! Защищайтесь!

И он с молниеносной быстротой выбросил руку вперед, но граф столь же мгновенно выведя кисть во вторую позицию, отвел клинок капитана.

– Каррай! Ну и крепкая же у вас рука, сеньор де Миранда. Не ожидал подобного сопротивления. Но игра только началась, а луна зайдет не раньше рассвета.

И на этот раз сын Красного корсара ничего не ответил.

Он внимательно следил за кончиком капитанской шпаги, который зловеще мерцал под лучами ночного светила.

– Вы не слишком любезны, граф, – сказал сеньор де Сантьяго, снова уходя в защиту. – Разве не известно вам, что теперь принято сражаться, обмениваясь любезными фразами?

Ответом сеньора ди Вентимилья был резкий удар, чуть не заставший капитана врасплох. О он едва успел парировать его в терцию, выиграв всего лишь какую-то долю секунды.

– Вот черт! – пророкотал капитан. – Здесь не любят шутить!

Он отступил на шаг, ощутив предварительно почву левой ногой, чтобы не поскользнуться, потом встал во вторую позицию и сказал:

– Я жду вас, граф!

Сын Красного корсара, подозрительно проследив за его перемещением, поостерегся идти в атаку и ограничился плотной защитой, выставив шпагу вперед и угрожая противнику встречным ударом в грудь.

– Стало быть, вы не желаете атаковать, сеньор де Миранда?

– Я никогда не тороплюсь, капитан.

– Уже целых полминуты я жду вас.

– Можете ждать хоть полвека, если это вам нравится.

– Черта с два!

И в третий раз граф ди Вентимилья промолчал. Он молниеносно выбросил руку вперед, сделал два прыжка и неожиданно направил шпагу на соперника, нанеся укол прямо в середину груди. Если бы и этот выпад испанец отразил, можно было бы говорить о чуде, однако в шелковом камзоле зияла большая дыра.

– Карамба! Вы осмелели, господин граф, и пытаетесь застать меня врасплох, пока я с вами любезничаю. Еще пара сантиметров – и вы бы попали. В следующий раз не забывайте вытянуться как следует...

Фраза прервалась криком. Шпага сеньора ди Вентимилья снова рванулась вперед, и клинок более чем наполовину вошел в грудь капитана. Несколько мгновений раненый оставался на ногах, держа левой рукой за шпагу графа, а потом он тяжело рухнул на землю, обломив клинок. Пять дюймов сломанного клинка остались в его желудке на уровне четвертого левого ребра.

– Убит? – спросили одновременно Мендоса и Мартин, приближаясь к месту поединка.

Граф бросил на землю обломок шпаги и наклонился над капитаном, который корчился в жестокой агонии.

– Может, вы ранены не так тяжело, сеньор де Сантьяго, – сказал он, – и тогда мы сможем вас спасти.

– Нет, полагаю, я покончил счеты с жизнью, – ответил капитан. Черт побери! Вы ловчее меня на руку! Умру я очень скоро и сожалею только об одном.

– О чем же?

– О том, что у меня не было времени отослать вам на борт тысячу сто пиастров, которые вы у меня выиграли.

– Да забудьте вы об этом. Скажите лучше, что мы сможем сделать для вас?

– Позовите слуг маркизы де Монтелимар. По крайней мере, я умру под кровом женщины, ... которую люблю и ради которой умираю.

– Позвольте сначала вытащить кусок клинка, застрявший у вас в груди.

– Так вы только быстрее убьете меня. Нет... нет... слуг... пошлите... бегом.

– Мендоса! Мартин! Позовите людей из дворца!

Моряки убежали, тогда как сеньор ди Вентимилья, растроганный сильнее, чем хотел бы казаться, приподнял голову капитана, чтобы тот не захлебнулся кровью. Прошло чуть больше минуты, и замелькали огни, на дорожках показались люди.

– Сеньор граф, – сказал сын Красного корсара, – я должен оставить вас. Мне не хотелось бы, чтобы знали о том, что ранил вас я.

– Благодарю вас, – ответил капитан слабым голосом. – Если выживу, надеюсь получить у вас реванш.

– Когда вам будет угодно.

Он поднялся и быстрым шагом направился к решетке.

Мендоса и Мартин, известив слуг маркизы, удалились, в свою очередь, и перелезли через ограду. Когда слуги добежали до лужайки, капитан потерял сознание, но все еще крепко держался руками за обломок шпаги.

– Капитан гранадских алебардщиков! – воскликнул дворецкий маркизы, руководивший слугами. – Друг хозяйки! Быстро несите его во дворец!

Четверо слуг крайне осторожно подняли раненого и перенесли его в комнату на первом этаже, где уложили на кровать, тогда как пятый слуга побежал разыскивать семейного доктора. В это время прекрасная маркиза де Монтелимар, набросив на себя домашний шелковый халат, быстро спустилась и встревоженно спросила:

– Бог ты мой, что случилось, Педро?

– Тяжело ранен...

– Граф де Миранда?! – побледнев, вскрикнула маркиза.

– Нет, сеньора, граф де Сантьяго.

– Капитан алебардщиков?

– Именно так.

– Выстрелом из пистолета?

– Жутким ударом шпаги; половина клинка до сих пор торчит в груди.

– Дуэль?

– Вроде бы.

– А что ранивший?

– Исчез, госпожа.

– И где же они устроили дуэль?

– В вашем саду.

– Этот человек всегда хотел кого-нибудь убить. Вот и получил свое. Кто же смог победить лучшую шпагу Гранадского полка? Кто? Но его ведь не убили, не так ли?

– Только потерял сознание, но я полагаю, что из этой переделки капитан не выберется.

– Позволь мне его увидеть.

Дворецкий отодвинулся в сторону, и она вошла в комнату, где находилось несколько слуг, обмывавших уксусной водой губы и ноздри раненого, пытаясь вернуть его в сознание.

Капитан лежал на кровати, раскинув руки, лицо его было мертвенно-бледным, лоб нахмурен. Из полукрытого рта вырывалось не дыхание, а продолжительный свист.

В груди его, вблизи от сердца, по-прежнему торчал клинок; никто не осмелился вытащить его из опасения обильного кровотечения.

Шелковый камзол в красную и голубую полоску, с крупными обшитыми серебром петлицами, был разорван на несколько дюймов в длину, но ни одна капля крови не пятнала рубашку.

Обломок шпаги служил тампоном.

– Несчастный! – взволнованно прошептала маркиза. – Противник, нанесший ему такую ужасную рану, не может быть жителем Сан-Доминго, потому что все здешние мужчины испытывали страх перед шпагой этого человека... Педро, а доктора вызвали?

– Да, госпожа маркиза, – ответил дворецкий. – Он вот-вот должен подойти.

– Если он не появится немедленно, этот бедняга граф умрет.

– Вот и он, я слышу шаги входящих людей.

Дверь отворилась, и появился старик, облаченный в черную шелковую одежду. Его сопровождал молодой человек с ящичком. Это были доктор и его помощник.

– Сеньор Эскобедо, – проговорила маркиза, направляясь навстречу старику, – поручаю вашим заботам графа де Сантьяго. Сделайте все возможное, чтобы вырвать его у смерти.

– О! Тот самый ужасный дуэлянт, маркиза? – спросил доктор. – Дело всегда принимает серьезный оборот, когда мы встречаемся с ранениями острием клинка. Ну-с, посмотрим.

Он наклонился над кроватью, тогда как его ассистент открыл ящичек с хирургическими инструментами. Доктор пристально посмотрел на раненого, все еще не пришедшего в себя.

– Рана серьезная, не так ли, сеньор Эскобедо? – спросила маркиза.

– Жуткая, маркиза, – ответил врач, скорчив гримасу и покачивая головой. – У его противника должна быть очень крепкая кисть.

– Спасти его надеетесь?

– Я не могу вам дать точного ответа, маркиза. Прошу всех выйти. Пусть здесь останется только мой помощник. Необходима срочная операция.

Маркиза, дворецкий и слуги поспешили освободить помещение.

– Зажим покрепче, Маурико, – сказал, когда они остались одни, доктор, поворачиваясь к помощнику.

– Хотите извлечь клинок, доктор?

– Его ни в коем случае нельзя оставлять в груди.

– А раненый не умрет сразу же после этого?

– Вот этого-то я как раз и боюсь. Острие должно было сильно задеть легкое.

– Приходит в себя, – сказал доктор, наклонившийся над раненым.

Капитан снова вздохнул, дольше, чем в первый раз, и захрипел, потом медленно поднял веки и уставился на доктора затуманенным взглядом.

– Вы... – забормотал он.

– Не разговаривайте, сеньор.

Губы графа искривила улыбка.

– Я... человек ... военный, – прерывающимся голосом выговорил он. – Со... мной... все... кончено... Не... так... ли?

Доктор вместо ответа кивнул головой.

– Сколько... минут... осталось?... Скажите... Я... хочу...

– Вы можете прожить еще пару часов, если я не вытащу из вашего тела обломок шпаги.

– А если... вытащите?... Говорите!

– Тогда, сеньор граф, в лучшем случае несколько минут.

– Этого... хватит... чтобы... отомстить... Послушайте...

– Если вы будете говорить, то умрете еще раньше.

И снова улыбка навестила мертвенно-бледные губы капитана.

– Слушайте... меня!.. – сказал он, собрав последние силы. – На... клинке... нанесено... имя... моего... соперника... Я... хочу... знать... его... прежде... чем... умру...

– Но прежде надо вынуть обломок клинка.

Граф подал одобряющий знак.

– Вы этого хотите? – спросил доктор.

– Я... и... так... умру.

– Маурико, пинцет!

Помощник принес пару малюсеньких щипцов, пакет ваты и бинты, чтобы быстро остановить кровь, если она хлынет потоком из раны.

– Скорее, – прошептал граф.

Доктор захватил клинок щипцами и – с перерывами – вытащил его из тела. Граф, чтобы не закричать, крепко сжал зубы. Только по изменившемуся выражению лица да по выступившему на лбу липкому поту можно было понять, как он страдает.

К счастью, эта болезненная операция длилась всего несколько секунд, и сразу же вслед за ней из раны фонтаном вырвалась кровь, но помощник сейчас же остановил ее бинтами.

– Имя... имя, – лепетал граф угасающим голосом, – быстрее... умираю...

Доктор обтер клинок от крови и увидел открывшиеся на стали буквы, над которыми была выгравирована маленькая графская корона:

– Энрико ди Вентимилья, – прочел он вслух.

Капитан, несмотря на крайнюю свою слабость и терзавшую его боль, приподнялся почти до сидячего положения и вскрикнул хриплым голосом:

– Вентимилья!.. Так... звали... корсаров... Красного... Зеленого... Черного... Кто-то... из... рода... Вентимилья!.. Измена!

– Граф, вы губите себя! – закричал доктор.

– Послушайте... послушайте... фрегат... который... прибыл... вчера... пиратский... Его... команда... одета... в красное... Спешите... к губернатору... сообщите... ему... Заставьте... его... атаковать... корабль... Быстрее... Город... в опасности... Я... умираю... но... за... меня... отомстят... А-а-а!

Капитан откинулся на подушки. Он хрипел и на глазах бледнел.

Кровь сочилась сквозь корпию и бинты, заливая рубашку и камзол. Внезапно кровавая пена выступила на губах несчастного, потом веки медленно прикрыли уже угасшие глаза. Капитан гранадских алебардщиков умер.

– Учитель, – сказал помощник доктору, все еще державшему в руках кусок шпаги, – что вы теперь будете делать?

– Сейчас же пойду к губернатору, предупрежу его. Вентимилья были самыми жестокими пиратами в Мексиканском заливе. Один из их сыновей или родственников появился в этих водах. Беда нам, если мы его не поймаем!.. Не говори об этом ни с кем, даже с маркизой.

– Я буду нем, учитель.

– Ты пойдешь к полковнику и сообщишь о происшествии, надо перевезти бедного графа в казарму.

– А вы?

– Побегу к губернатору.

Он замотал кусок клинка в полотенце и открыл дверь. Маркиза ди Монтелимар в сильном волнении ждала в соседнем зале вместе с дворецким и своими горничными.

– Ну что, доктор? – спросила она.

– Он умер, маркиза, – ответил Эскобедо. – Рана была ужасной.

– И он не сказал вам, кто его убил?

– Он не мог говорить. Должно быть, он дрался на дуэли, потому что шпаги в ножнах не было.

– А теперь?

– Еще до рассвета капитана перевезут в казарму или к нему на квартиру. Если его оставить здесь, люди могут подумать о вас плохое.

– Этого я и боюсь.

– Доброй ночи, маркиза. Я обо всем позабочусь.

Глава III. Петушиные скачки

День спустя веселое общество, разодетое в пестрые, разноцветные костюмы, собралось в окрестностях грандиозного дворца Монтелимар. Там толпились чиновники, солдаты, плантаторы, моряки и крестьяне, хватало там и сеньор с сеньоритами в элегантнейших одеяниях, с грациозными мантами¹⁴ на высоких прическах, хотя спектакль, которому вот-вот предстояло начаться, вроде бы не должен был сильно заинтересовать дам.

Речь идет о петушиных скачках, о которых маркиза уже оповестила графа де Миранда, а точнее – графа ди Вентимилья.

У испанских колонистов всегда были две сильных страсти: быки и петухи! Какое странное сочетание огромного, внушающего страх животного с жалким и безобидным пернатым!

И тем не менее не жалели денег ради обладания отменными птицами, особенно бойцовыми, которых воспитывали для петушиных боев, ставя на кон в этих варварских играх целые состояния.

Однако одним из самых любимых развлечений колонистов была петушиная скачка. Придумали ее, видимо, чтобы тренировать ловкость всадников, которым приходилось много времени уделять охоте за беспрерывно угрожавшими городам буканьерами, великолепными союзниками флибустьеров. Остальные колонисты были заняты борьбой с морскими разбойниками.

Состязание выглядело очень простым, но оно вызывало живейший интерес у многочисленных зрителей, постоянно готовых побиться об заклад то ли на один пиастр, то ли на целую тысячу. А заключалось оно в следующем.

На прямолинейной дистанции выкапывали четыре-пять ям и в каждую сажали по петуху таким образом, что наружу выдавалась только шея. Бедных птиц присыпали песком или обкладывали камнями, стараясь не причинять им излишних мучений.

Всадникам, согласившимся принять участие в этой странной забаве, надо было на полном скаку подлететь к хохлатому пленнику, склониться до самой земли и подхватить одной рукой птицу.

Маневр предстоял нелегкий, потому что всадник рисковал вылететь из седла, а падение могло привести к серьезным повреждениям, хотя зрители встречали такой поворот скачек оглушительным хохотом. В награду победителю обычно разрешалось поцеловать в руку или же в щеку самую красивую сеньору среди присутствующих на состязаниях. Такова была испанская галантность, которой позднее, в восемнадцатом столетии, вздумалось подражать неотесанным янки.

На скачку явились четырнадцать всадников – все как один на маленьких, элегантных андалусийских лошадках. Они выстроились перед дворцом Монтелимар. Почти все были зелеными юнцами, сыновьями плантаторов или важных персон адмиралтейства. Все они страстно желали расцеловать щеки самой прекрасной вдовы Сан-Доминго.

Однако среди этих юнцов выделялся элегантнейший граф де Миранда, по-прежнему одетый в красное; он выбрал себе черного жеребца с горящими глазами, купив его тем же утром по дорогой цене. Увидев маркизу, появившуюся на мраморной парадной лестнице дворца, граф снял красную фетровую шляпу с длиннющим пером и, не покидая седла, поклонился.

¹⁴ Манта (исп. manta) – здесь: шаль.

Прекрасная вдова одарила его улыбкой и грациозным приветственным движением руки, а потом быстро прошла на некое подобие трибуны, воздвигнутой перед дворцом. Ее сопровождали дворецкий и горничные.

Четырех петухов усадили в ямы на расстоянии двадцати метров один от другого. Несчастные пернатые предпринимали отчаянные попытки освободиться из плена, вытягивая шею и кукарекая во все горло, но насыпанные в ямы камни удерживали птиц, не давая им убежать.

Двое полевых судей, оба отставные офицеры, заняли свои места с той и другой стороны от всадников.

Тем временем публика, собравшаяся уже в изрядном количестве, бойко делала ставки по преимуществу на сына Красного корсара, предпочитая его то ли за красивое лицо, то ли из какой-то иной необъяснимой симпатии.

Как бы ужаснулись эти люди, узнав, что ставят они на своего смертельного врага, на одного из тех страшных флибустьеров, которые поклялись разорить все испанские колонии в Центральной Америке!..

Судьи, тщательно осмотрев конскую сбрую, дабы не случилось какого несчастья, приблизились к помосту, где находилась маркиза.

– Готовы? – спросил один из них.

– Да, – в один голос ответили четырнадцать всадников, бросив взгляд на маркизу де Монтелимар.

– Пошли! – выкрикнул другой судья.

Лошади, почувствовав прикосновения шпор, подскочили и понеслись в неудержимом полете.

Сын Красного корсара очень скоро возглавил скачку, держа в стременах только левую ступню, чтобы легче было нагнуться до земли.

Его вороной, выбранный с особым тщанием, преодолел дистанцию в необыкновенном порыве, опередив соперников на несколько метров.

Граф гарцевал так великолепно, что вызвал у зрителей настоящий взрыв энтузиазма. И мужчины, и женщины отчаянно били в ладоши, когда он пролетал мимо, склонившись к шее скакуна и покачивая своим длиннющим красным пером. Так молодой всадник подскочил на ураганной скорости к первому петуху. Он наклонился к земле, крепко держась одной рукой за шею коня, и, ловкий, как арабский наездник, ухватил птицу, выдернул ее из ямки и торжественно взметнул вверх.

Мастерство всадника толпа одобрила единодушным криком восторга. Мужчины и женщины махали платочками, потрясали тростями и зонтиками, будто они присутствовали на корриде¹⁵. Всадника в красном приветствовали словно одного из самых знаменитых эспадас¹⁶ в цирке Севильи или Гранады.

Граф свернул петуху шею и бросил птицу в группку попрошайек. Потом, доскакав до изгороди, отмечавшей конец дистанции, молниеносно развернул коня и пустился в обратный путь.

Тем временем преследовавшие его всадники, скакавшие плотной группой, почти догнали графа, но никому из них не повезло с птицей в этой первой гонке, и петухи по-прежнему оставались в своей тюрьме.

– Ну и растяпы эти кавалеристы! – пробормотал граф. – Видно, мне придется самому управляться с птицами. Это было бы очень скучно, если бы только победа не давала права поцеловать самую прекрасную женщину Сан-Доминго.

¹⁵ Коррида (исп. *corrida de toros*) – бой быков.

¹⁶ Эспадас – вооруженные шпагой тореро.

Он ослабил поводья и возобновил скачку, пришпоривая правой ногой своего вороного и оставив левую ногу свободной, чтобы можно было нагнуться как можно удобнее.

Он был один, более тридцати метров отделяли его от галопировавших группой соперников, граф за несколько секунд добрался до второго петуха и выдернул его из ямки.

Уже не крик, а торжествующий рев приветствовал всадника.

– Да здравствует красный граф! – вопила толпа, исступленно отбивая ладони.

Другим всадникам тоже повезло: двое из них выдернули по петуху, однако победа осталась за графом, дважды добившимся успеха.

Он спрыгнул с коня, приблизился к улыбавшейся ему маркизе и положил ей на колени птицу, сказав:

– Сохраните ее на память обо мне, сеньора; когда я уеду, вы всякий раз будете вспоминать меня при взгляде на этого крикуна.

– Стало быть, вы хотите уехать? – спросила прекрасная вдова.

– Возможно, уже сегодня вечером меня не будет в Сан-Доминго, – ответил граф.

– В таком случае вы должны позавтракать со мной.

– Никогда не отказываюсь от компании сеньоры, особенно если она такая красивая и любезная, как вы.

– Ах, граф!..

Она поднялась, поприветствовала на прощанье всадников, вытянувшихся в шеренгу перед открытым помостом, и стала медленно подниматься по величественной каменной лестнице, тогда как толпа зрителей постепенно рассеивалась.

Граф ди Вентимилья последовал вместе с дворецким и горничными за прекрасной вдовой.

Маркиза провела его через несколько богато украшенных и изящно меблированных залов и наконец ввела в столовую, не очень большую, но с обитыми красной замшей стенами и золоченым потолком.

В центре комнаты находился стол, сервированный золотыми тарелками, ложками, вилками и ножами. В великолепных серебряных вазах красовались самые разнообразные фрукты тропических краев.

Возле стола, одно подле другого, стояли два кресла.

– Господин граф, – заговорила маркиза, – сегодня у меня нет других приглашенных, поэтому мы можем поговорить свободно, как старые друзья.

– Благодарю вас, маркиза, за предупредительность.

– Я должна кое о чем спросить вас.

– Меня? – удивился корсар.

– Вас! – ответила маркиза де Монтелимар, на прекрасном челе которой появилась легкая морщинка.

– А если я скажу вам, что непременно хотел увидеться с вами и получить у вас кое-какие сведения, что вы на это скажете?

На этот раз пришел черед удивляться маркизе:

– У меня? Значит, вы знали меня, граф, еще до того, как бросили якоря в этом порту?

– Нет, я только слышал о Монтелимаре.

– О моем муже?

– Нет, о вашем девере, который много лет назад занимал пост губернатора Маракайбо.

– У мужа в самом деле был брат-губернатор.

– Вы когда-нибудь видели этого Монтелимара?

– Да, два года назад я познакомилась с ним на Пуэрто-Рико.

Беседу прервало пришествие четырех черных слуг, принесших на широких серебряных чеканных подносах еду и несколько корзин с запяленными бутылками.

– Давайте теперь позавтракаем, – предложила графу маркиза. – У людей моря, говорят, хороший аппетит, и я надеюсь, сеньор Миранда, что вы окажете честь моим поварам.

– Когда колокол звонит на обед, наши желудки, маркиза, всегда готовы. Если бы вы видели, как идут на приступ обеденного стола мои матросы!

– Хотелось бы посмотреть.

– Останься мы еще на несколько дней в порту, я имел бы честь принять вас на борту моего судна. К сожалению, весьма сомнительно, что я завтра еще буду здесь.

– Но вы же мне сказали, что присланы для защиты города от совместной атаки флибустьеров и буканьеров.

– Такой опасности больше нет, – слегка смутившись, ответил граф. – Мне сообщили, что несколько подозрительных судов, за которыми наблюдали в водах Хонайреса, ушли к югу. Сегодня же утром стало известно, что они удалились в сторону Тортуги. Я отправляюсь в эти широты, чтобы выяснить обстановку.

– И потопить эти корабли?

– Да, если удастся.

– Так ужасны эти флибустьеры!

– Маркиза, они идут на абордаж, как черти, а когда стреляют из ружей, то всегда попадают в цель.

Он взял бутылку, уже откупоренную слугами, и наполнил два бокала, провозгласив тост:

– За вашу красоту, маркиза!

– За ваш корабль, капитан! – ответила сеньора де Монтелимар.

Граф залпом осушил свой бокал и сделал знак чернокожим слугам выйти, после чего, глядя маркизе прямо в глаза, заговорил:

– А теперь, сеньора, если вы согласны, продолжим нашу беседу. Вы сказали мне, что познакомились со своим деверем в Пуэрто-Рико?

– Это правда, граф.

– Когда?

– Два года назад.

– Вы можете сказать, где он находится сейчас?

– В Пуэбло-Вьехо... Так мне сказали. Я знаю, что там у него обширные плантации сахарного тростника.

– А! – нахмурился граф. – Ваш муж никогда не говорил вам о казни двух знаменитых корсаров, совершенной по приказу вашего деверя? Не говорил ли он вам, что этих пиратов звали одного – Красный корсар, другого – Зеленый корсар и что оба они были итальянскими дворянами?

Маркиза опасливо посмотрела на графа, а потом сказала:

– Да, он мне часто говорил про тех двух корсаров, но был еще один, он потом погиб с дочерью герцога Ван Гульда.

– Того звали Черный корсар, – сказал граф, – того не повесили как его братьев. Не можете ли вы назвать мне имена тех, кто выносил приговор и кто его исполнял?

– Нет, но об этом вам может сказать мой деверь. Тогда я была еще ребенком и не жила в Маракайбо. А теперь я хотела бы знать, почему вас так интересует то давнее событие? Может быть, вы знали этих жестоких флибустьеров, много лет наводивших ужас на наши колонии по берегам Мексиканского залива?

– Это мой секрет, и я не могу его вам раскрыть, маркиза, – помрачнев, ответил сын Красного корсара. – Вы сказали, что ваш деверь должен находиться в Пуэбло-Вьехо, этого для меня пока достаточно. Здесь у вашего родственника должно быть имущество, а значит, должны быть управляющий и секретарь.

– Вы говорите о кабальеро Баркисимето?

– Именно так, маркиза.

– Он и в самом деле находится здесь. Но с минуты на минуту он должен отбыть на галеоне «Санта-Мария» в Мексику. Думаю, он везет с собой большие деньги, собранные на плантациях моего деверя.

– Вы сказали, на «Санта-Марии»! – воскликнул граф, и живой огонек сверкнул в его глазах.

– Он сам мне об этом говорил три дня назад.

– Теперь я узнал даже больше, чем хотел, маркиза, благодарю вас за ценные сведения.

– Ценные?

– Больше, чем вы думаете, – ответил граф.

– В таком случае, надеюсь, вы мне сообщите такие же.

– Ладно, вы мне сказали, что хотели бы узнать обо мне побольше. Говорите, сеньора, я сделаю все возможное, чтобы удовлетворить вас.

Маркиза немного помолчала, в свою очередь, внимательно разглядывая графа; потом она указала пальцем на шпагу корсара и сказала:

– Вчера вечером, во время праздника, у вас не было этой шпаги. У той – другая ручка. Почему вы сменили оружие?

– Вчерашнюю я потерял, когда садился в шлюпку, отправляясь на свой фрегат, – ответил корсар, краснея подобно девушке.

– Или оставили в груди некоего человека, слишком докучавшего вам? – строго спросила маркиза.

Граф ди Вентимилья не мог не вздрогнуть.

– Сеньора, – с трудом проговорил он, – как истинный кабальеро я не могу лгать. Признаюсь, что оставил кусок клинка моей шпаги в груди графа де Сантьяго, но клянусь честью, не я начал распрю.

– Верю вам, граф. Капитан был человеком очень буйным и большим любителем поединков. Я даже боялась, что он будет поджидать вас, чтобы пустить в ход свою шпагу. Поразительно, что он сам получил смертельный укол.

– Почему, маркиза?

– Все его боялись, потому что знали, какой это опасный противник.

– Но, сеньора, я вышел из семьи превосходных дуэлянтов; многих уложили графы де Миранда, хотя и в честных поединках.

– И вы его убили!

– Я вынужден был защищать свою жизнь.

– В одиночку?

– Почему вы мне задаете этот вопрос?

– Мне сказали, что с вами было еще двое мужчин.

– Да, двое моряков, которые, подчиняясь моему приказу, только лишь присутствовали при поединке. Я ни в коем случае не позволил бы, чтобы они вмешались в дело, касающееся меня одного. Капитан был дворянином, а не каким-нибудь бандитом, на которого можно напасть втроем или просто застрелить из пистолета.

– А вы смелы! – воскликнула маркиза, разглядывая собеседника с восхищением. – Ни один забияка не посмел бы напасть на графа де Сантьяго.

– Из местных, возможно, – ответил граф. – Но я ведь родился не на здешних островах. Фехтованию меня учили испанские, французские и, наконец, итальянские мастера.

– Вы знаете, что вас подозревают?

– В убийстве капитана?

– Да, граф.

– Что тут сказать? Может быть, в Сан-Доминго двум кабальеро запрещено разрешать спор между собой при помощи шпаг?

– Я не говорю «нет», но ваш поединок проходил без свидетелей, и потом...

– Простите, маркиза, но там были мои матросы. А теперь продолжайте.

– Я хотела бы спросить, где вы приобрели шпагу, навсегда успокоившую капитана?

Граф поднялся и с беспокойством посмотрел на маркизу.

– Вы задали мне вопрос, который мог бы...

Он прервался, увидев входящего дворецкого.

– Что вам нужно? – спросила сеньора де Монтелимар, немного раздраженная этим неожиданным появлением.

– Простите, госпожа, – ответил дворецкий, – но в соседней комнате находятся два моряка. Они настаивают, что им срочно надо сообщить господину графу нечто важное.

– Белый и метис? – спросил капитан «Новой Кастилии».

– Да, господин граф, и еще...

– Продолжайте, – сказала маркиза.

– Внизу ждет капитан алебарщиков с двадцатью солдатами. Он желает осмотреть дворец.

– По какой причине?

– У него есть приказ об аресте.

– Кого?

– Господина графа, – немного поколебавшись, ответил дворецкий.

Граф подскочил и положил правую руку на рукоять шпаги.

– Им придется свести счеты с этим клинком! – крикнул он. – Скажите капитану алебарщиков, чтобы он подождал десяток минут, чтобы маркиза де Монтелимар могла спокойно закончить завтрак, а если капитан будет настаивать, прикажите своим людям поколотить его... Мендоса! Мартин!

Услышав призыв, моряки вошли в гостиную, оттолкнув в сторону бедного дворецкого и обнажая шпаги.

– Граф! – закричала сильно побледневшая маркиза. – Что все это означает?

– Сейчас я вам объясню, сеньора. Разрешите мне только сначала расспросить моих людей... Если не ошибаюсь, речь идет о жизни и смерти.

– Что вы такое говорите?

– Всего полминуты, маркиза. Говори ты, Мендоса!

– Господин граф, нас, кажется, готовятся схватить или, по крайней мере, хотят напасть на наш корабль, – ответил старый моряк. – Все галеоны и каравеллы несколько часов назад перегородили выход из порта, словно намереваясь помешать нам покинуть гавань. Видимо, кто-то выдал наш секрет.

– Что делает мой помощник?

– Сеньор Верра приказал зарядить пушки, подготовившись к обстрелу галеонов и каравелл, а потом обязал всех матросов вооружиться. Стоим мы только на одном якоре.

– Превосходно! Этот смельчак никогда не позволит застать себя врасплох. Ах, эти генуэзские моряки! Никто не может с ними сравниться.

– Граф! – вскрикнула маркиза. – О чем вы говорите?

– Еще немножко, сеньора, – ответил отважный молодой моряк. – Мендоса, все наши люди на борту?

– Все, капитан.

– Нас восемьдесят храбрецов, и мы вгоним в холодный пот тех, кто попытается помешать нам выйти в море... А теперь ваш черед, сеньора де Монтелимар. Я победил в петушиной скачке, и вы должны мне поцелуй. Позвольте же мне почтить поцелуем ваши пре-

красные руки. Это, конечно, будет первый и последний поцелуй, потому что, если только не произойдет чуда, через пару минут исчезнет последний граф ди Вентимилья, ди Роккабруна и ди Вальпента!

– Вы сказали: ди Вентимилья? – воскликнула маркиза.

– Да, сеньора, я сын того самого Красного корсара, которого повесили ваши соотечественники!

Маркиза, в смятении чувств, помолчала несколько мгновений.

– Сеньор граф, – наконец заговорила она, – я не позволю арестовать у себя на глазах, и вообще в моем дворце, такого благородного человека, как вы.

– Что вы собираетесь сделать, сеньора?

– Спасти вас!

– Каким образом?

– Следуйте за мной, и побыстрее. Капитану алебардщиков скоро наскучит столь долгое ожидание.

Она открыла дверь гостиной и ввела троих корсаров в спальню, видимо, в собственную, судя по богатству обстановки. Здесь она подошла к камину, прикрытому бронзовой плитой, украшенной богатой резьбой. Она дотронулась рукой до одного из украшающих плиту цветков и резко надавила на него. Плита тотчас дрогнула и раскрылась: за нею показались ступеньки, ведущие вверх.

– Это секретный проход, пробитый в толще стены, – объяснила маркиза, – о нем никто не знает. Он ведет в одну из маленьких башенок, выступающих над крышей. Поднимайтесь и ждите меня наверху.

– Поцелуй, маркиза, – сказал граф.

Очаровательная женщина протянула ему руку.

Корсар запечатлел на ней жаркий поцелуй и сразу же начал взбираться по лесенке, за ним следовали Мендоса и Мартин.

Маркиза задвинула плиту и прошептала:

– Бедный юноша! Убить такого достойного кабальеро? Нет, не хочу этого. Пусть он враг моей страны, но я спасу его, что бы со мной ни случилось. Я не хочу, чтобы пошли разговоры, будто кто-то из рода Монтелимар предал своего гостя.

Она закрыла дверь и вошла в гостиную, где уселась за стол и начала маленькими глоточками пить из чашечки шоколад, пытаясь казаться совершенно спокойной.

Мгновение спустя появился дворецкий, объявив о приходе капитана Пинсона.

– Пусть войдет, – ответила маркиза, попивая шоколад.

В комнату вошел, сняв шляпу, капитан алебардщиков, высоченный служака с огромными седеющими усами и очень живыми глазами.

– Чем обязана вашему визиту? – спросила, предлагая кресло, маркиза, оставшаяся внешне спокойной. – Надеюсь, вы не откажетесь принять чашечку шоколада. Я получила его из Гватемалы, из страны, где производят самый лучший шоколад в мире.

Капитан немного удивился:

– Простите, сеньора, за беспокойство, но меня послал губернатор.

– Арестовать меня? – спросила, улыбаясь, прекрасная вдова.

– Не вас, а того человека, который совсем недавно завтракал с вами.

– О, что вы говорите, капитан? – воскликнула маркиза, нахмурившись и резко поднимаясь. – Кого арестовать?

– Графа, одетого во все красное.

– Дворянина?

– Бандита, сеньора!

– Это невозможно!

– Этот человек – родственник тех самых Вентимилья, жестоких корсаров, которые, вместе с Пьером Ле Граном, Лораном, Ван Хорном и л'Олоне¹⁷, разграбили столько городов на побережье Мексиканского залива.

– Боже мой! – вскрикнула маркиза, падая в кресло. – Вы не ошиблись?

– У нас есть неоспоримое доказательство, что это был в самом деле Вентимилья.

– Каким образом вы его смогли получить?

– На обломке клинка, застрявшем в груди графа де Сантьяго, было выгравировано имя его убийцы.

– Тогда вы уже уничтожили его фрегат?

– Пока еще нет, маркиза, – ответил капитан. – Мы подождем приступа до наступления ночи. Где же этот господин?

– Он уже ушел.

– Ушел? – побледнев, вскрикнул капитан.

– Он оставил меня полчаса назад, позавтракав со мной. Он сказал, что пойдет прогуляться в парке.

Капитан стукнул себя кулаком по кирасе.

– А если он увидел, как я прохожу за ограду? – спросил он себя, яростно накручивая свои усы. – Бежал! Но куда? Вероятнее всего, он где-нибудь спрятался... Диас!

На этот призыв в гостиную вошел сержант алебардчиков.

– Возьми десяток солдат и обыщи дворцовый парк. Возможно, корсар еще там.

– Сию минуту, капитан, – ответил сержант и быстро удалился.

– Сеньора маркиза, – сказал командир отряда, когда они снова остались одни, – мне приказано тщательнейшим образом осмотреть ваши комнаты.

– Выполняйте приказ, капитан, – ответила прекрасная вдова. – Только я уверена, что в моем дворце вы его не найдете.

– И тем не менее я уверен, сеньора, что смогу отыскать его где-нибудь, – возразил капитан. – Из города он не мог выбраться, потому что все выходы хорошо охраняются, попасть на свой корабль – тем более, так как мы послали на пристань несколько отрядов солдат, а его фрегат окружен галеонами и каравеллами. Пришло время покончить с этими Вентимилья, и мы это сделаем. Сеньора, я иду осматривать дворец.

¹⁷ Франсуа л'Олоне (ок. 1635 – ок. 1668) – прозвище знаменитого французского пирата, данное ему по месту рождения: Сабль-д'Олоне. Настоящее имя – Жан-Давид Но

Глава IV. Охота на графа ди Вентимилья

Сын Красного корсара поспешил по лестнице вверх. Его по-прежнему сопровождали Мендоса и мулат, которые отнюдь не казались слишком испуганными дурным оборотом дел.

Как и сказала маркиза, эта лестница была устроена в толще стены и, вероятно, служила для сокрытия сокровищ, дабы уберечь их от жадных лап флибустьеров и буканьеров, не раз уже грабивших Сан-Доминго. Лестница была такой узкой, что порой Мендоса, самый толстый из трех, взбирался с большим трудом.

Подъем продолжался несколько минут, потом трое корсаров оказались в маленькой комнате или, лучше сказать, на чердаке, куда свет попадал через единственное окно, впрочем, достаточно широкое, чтобы через него мог пролезть человек.

– Где мы? – задал вопрос граф.

– В каком-то совином гнезде, – ответил Мендоса. – Отсюда видны только крыши.

– Это должен быть один из четырех пинаклей¹⁸, украшающих дворец, – сказал Мартин.

– Вот мы и стали соколами, приятель.

– Лучше стать соколами, чем повешенными, дорогой мой Мендоса, – парировал граф.

– Не буду отрицать, сеньор. Баскам, а я ведь по рождению принадлежу к ним, никогда не нравилась веревка, особенно если она сплетена испанцами, потому что тогда она опаснее всего, даже для людей нашего сорта.

– И тем не менее ты близкий родственник испанцев.

– Верно, капитан, только я никогда не жил с ними в согласии.

– А вот это, может быть, плохо, – сказал граф. – По крайней мере, ты мог бы попросить оставить нам свободный проход на корабль.

Мендоса хмыкнул, вырвав себе три или четыре волоска:

– Кастильцы не такие уж наивные. Они тут же схватили бы меня и повесили как самого страшного пирата на самой высокой мачте своего галеона.

– Тогда нам придется оставаться в этом ястребином гнезде или совином, как ты выразился, пока маркиза не найдет способ выпустить нас отсюда.

– Вы не подумали, сеньор граф, что в трех метрах под нами – крыши.

– Что ты этим хочешь сказать, Мендоса? – спросил сын Красного корсара, задетый высказыванием моряка.

– Что достаточно прыгнуть и спокойно убраться отсюда, прежде чем эти проклятые алебардчики покажут нам свои шлемы.

– Уйти по-воровски, даже не предупредив великодушную женщину, которая пыталась спасти нас? Где же твоя галантность, Мендоса?

– Когда речь идет о спасении шкуры, я не очень-то обращаю внимание на галантность, сеньор граф. Что делать! Я ведь всего лишь простой моряк.

– Тогда оставь крыши на потом, – посоветовал сын Красного корсара.

– И я, и Мартин будем ждать, сколько вам угодно, сеньор граф. Вы хорошо знаете, что мы обожаем оружие и нам всегда нравилось вязываться в драки. Как славно поработал я шпагой, когда плавал под командой вашего папаша!

– Молчи, Мендоса, – оборвал его изменившимся голосом граф.

– Вы правы, капитан: я всего лишь грубая скотина, ничем не лучше акулы, – ответил старый моряк.

¹⁸ Пинакль – в романской и готической архитектуре так называлась разновидность башенок с квадратным или многоугольным основанием и остроконечным пирамидальным верхом, которые ставились на внешних выступах стен, на крыше, на ее гребне и в других местах внешнего контура здания.

Граф облокотился о подоконник и, тоскливо глядя вдаль, через настоящий лес колоколен и башенок, пытался рассмотреть свой фрегат, стоявший на якоре возле самого входа в порт, но так и не сумел этого сделать.

Неописуемая тоска нашла на него, он изо всех сил напрягал слух, боясь услышать орудиную канонаду, оповещающую о начале атаки на его судно. В таком тревожном состоянии граф пробыл около получаса, очнувшись он от возгласа Мендосы:

– Госпожа маркиза!

Сын Красного корсара резко обернулся и увидел входящую на чердак прекрасную вдову, очень бледную и взволнованную.

– Вы, маркиза? – удивился граф, правда, не так оглушительно, как его матрос. – О чем вы пришли рассказать нам?

– Что вас схватят! – хриплым голосом ответила сеньора де Монтелимар.

– Значит, они открыли наше убежище? – спросил граф, обнажая шпагу.

– Мой дворецкий сказал, что капитан алебардщиков отдал приказ обыскать крышу и башенки. Если они вас найдут, немедленно арестуют.

– Это будет нелегко сделать, сеньора, – спокойно проговорил корсар.

– Вы меня не поняли, граф.

– Наоборот, я вас отлично понял.

– И вы хотите ввязаться здесь, на крыше, в потасовку с двумя десятками алебардщиков, капитан которых пользуется репутацией очень храброго человека?

– Ну, нет, маркиза. Сразиться всегда найдется время.

– Что же тогда? – спросила испуганная прекрасная вдова.

– Мы убежим, прежде чем они доберутся сюда, – ответил граф.

– Как?

– Боже мой, да ведь это очень просто, маркиза. Сначала спрыгнем на крышу дворца, потом найдем первое попавшееся слуховое окно и спустимся.

– В таком наряде?

– Костюм я сменю, – улыбнулся корсар. – В одно мгновение я могу стать плантатором, крестьянином, портовым грузчиком, матросом или кем-нибудь в том же роде.

– И куда вы пойдете?

– Откуда мне знать? Разумеется, не на борт моего фрегата. Это было бы все равно что броситься в волчью пасть.

– Вы уверены, что выберетесь из города, сеньор граф?

– Не сомневаюсь в этом.

– У меня есть поместье в Сан-Педро, в шести лигах¹⁹ от города.

– Отлично.

– Я немедленно пошлю туда дворецкого; он предупредит управляющего, и тот вас примет.

– Хотите приютить нас на своей вилле?

– Хочу спасти вас, – взволнованно ответила маркиза.

– Мы принимаем ваше предложение, маркиза, проживем в деревне, – сказал сын Красного корсара совершенно спокойно. – Там отдохнем от морских трудов.

– А ваш корабль?

– С ним все будет лучше, чем вы думаете. Там, на борту, находится мой помощник, который не боится противостоять огню. Мы сможем увидаться, маркиза, хотя бы для того, чтобы поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали?

– Обещаю.

¹⁹ Лига – испанская лига равнялась 5572 м.

– В Сан-Педро?

– Да, граф.

– Прощайте, сеньора, мы исчезаем.

Граф снял шляпу, приветствуя даму, потом забрался на подоконник и прыгнул вниз, расколов при этом три или четыре черепицы. Мендоса и Мартин последовали за ним.

– Держитесь, друзья, – сказал граф, еще раз приветствуя прильнувшую к окну маркизу. – И главное, не шумите.

Они обнажили шпаги и отправились в путь, пригибаясь, чтобы быть менее заметными людям, которые могли бы увидеть их из окон. По счастью, с тыльной стороны дворец был защищен длинным рядом строений, что обеспечивало беглецам скрытный проход на протяжении шестисот-семисот метров.

– Ба! – вдруг вскрикнул граф и даже остановился. – Мне не раз рассказывали, что моему дяде, Черному корсару, также случилось как-то спастись бегством по крышам, и он вышел целым и невредимым из этой переделки. Почему бы удаче не улыбнуться и его племяннику? Ну, увидим!

Они спустились на крышу другого дома и возобновили свой путь. Так они прошли около пятисот метров без каких-либо признаков тревоги, без каких-либо неприятных инцидентов. Потом они остановились перед слуховым окном, оно было закрыто только деревянной решеткой.

– Вот прекрасное убежище, – сказал граф.

– Как бы оно не стало ловушкой, капитан! – возразил Мендоса. – И потом мы же не знаем, куда оно ведет.

– Ясное дело – в дом.

– И я так думаю, сеньор граф, но в доме-то живут люди, и неизвестно, как они нас примут.

– Увидев человека в красной одежде, они примут меня за самого дьявола, – рассмеялся молодой человек, – и разбегутся. В этом я уверен. Мартин, ломай решетку.

– Мигом, капитан, – ответил могучий мулат. – Дело это недолгое и нетрудное.

Он ухватился обеими руками за среднюю перекладину, уперся коленом в стену, резко потянул решетку на себя. Удивительно, что он не свалился при этом с крыши вместе с решеткой. Хорошо еще, что сзади него встал Мендоса, готовясь поймать Мартина.

– Может, ты хочешь крутануть сальто прямо на улицу? – спросил баск. – У тебя плохой вкус, дружище.

– Тише! – оборвал его граф, просунувший голову в слуховое окно. – Мне кажется, что там кто-то храпит.

– Черт побери! – проворчал Мендоса, почесывая затылок. – Вот теперь дело начинает принимать серьезный оборот.

– Идите за мной.

– Нет, капитан, позвольте пройти мне первым.

Но было уже поздно. Корсар спустился в скудно обставленную полутемную комнатку, в ней были только кровать, шатающийся столик да пара стульев, на которых лежали кираса и солдатская одежда.

– Я предпочел бы, чтобы в этой конуре жила красивая девушка, – буркнул баск.

Граф приблизился к кровати, держа шпагу наизготовку, чтобы в случае надобности незамедлительно пустить ее в ход. Хозяин комнатки блаженно спал, почти полностью укрывшись простыней.

– Если бы можно было улизнуть, не разбудив его! – вполголоса сказал граф. – Мендоса, не торчит ли в замочной скважине ключ?

– Не вижу.

- Может, мне и дверь высадить? – спросил Мартин, на цыпочках продвигаясь вперед.
- Тогда он проснется.

И в этот самый момент хозяин комнаты, у которого, наверно, как у хорошего солдата, был легкий сон, внезапно очнулся и сел на кровати, потом, заметив непрошенных гостей, быстро перекатился на другую сторону кровати, схватил шпагу и разразился громким криком:

- Ах, мошенники! Грабить солдата? Не позволю!

Он смело бросился на трех корсаров, и в тот же момент у него вырвался крик ужаса:

- Дьявол! Может, я все еще сплю?

Представьте себе сына Красного корсара в подобном одеянии. Нет ничего удивительного, что его принимали за беса в те времена, когда все были суеверными, а в особенности – испанцы.

- Не дьявол я, – успокоил его граф, – а скорее его близкий родственник.

– Значит, вы – человек, подобный мне, и пришли сюда, чтобы испугать меня и ограбить, – сделал вывод солдат, устрашающе размахивая своей длинной шпагой. – Вон отсюда! Или я изрублю вас, как кур!

– Эй, не кричите так громко, а то можете потерять язык, – сказал граф. – Прежде всего сообщу вам, что я не вор, а кабальеро и мне совершенно нет нужды в ваших тряпках.

- Тогда чего же вы хотите?

- Всего лишь вашу одежду, разумеется, не за даром. Во сколько вы ее оцениваете?

- Для чего она вам?

– Стоп, приятель! У меня нет привычки рассказывать свои секреты первому встречному.

- А после? Вы еще чего-нибудь хотите?

- Да, ключ от двери, чтобы выйти отсюда.

– Вернетесь тем же путем, каким пришли, сеньор родственник дьявола, – ответил солдат. – С таким человеком, как Баррехо, не шутят!

- Я еще не закончил, – продолжал граф с обычным спокойствием.

- А, так вы еще чего-то желаете? Вы ненасытны, мой дорогой сеньор!

– Я не хочу ничего иного, кроме как опять уложить вас в постель и заткнуть рот, чтобы помешать вам преследовать нас и кричать.

– Клянусь всеми акулами Бискайского залива, это уже слишком! – заорал солдат. – Сейчас я вам покажу, как гасконец нанизывает на шпагу воришек!

– А, так вы гасконец? – спросил граф. – Говорят, что ваши соотечественники храбры, но и очень хвастливы.

- Я покажу вам, как раскалываются черепа! – в бешенстве орал солдат.

– Не лучше ли сначала нанизать на ноги штаны? – иронически бросил корсар. – Вы что, не замечаете, что стоите в одних кальсонах?

- Даже и без них, в одной рубашке, гасконцы умеют убивать!

И с легкостью пантеры он перепрыгнул через кровать, напав на корсара. Натиск его был стремителен, но он почти сразу вынужден был остановиться, поскольку спутники графа подняли пистолеты.

- Вы хотите убить меня? – спросил он, быстро отступив на пару шагов назад.

– Дружище, – сказал корсар. – В другое время я предложил бы вам выйти, прогуляться до кладбищенской стены и там померяться силами со мной. К несчастью, или скорее к счастью для вас, я не могу терять ни секунды. Или вы продадите мне свою одежду, или – клянусь честью – я застрелю вас. Ну же! Помиримся и расстанемся добрыми друзьями. Предлагаю вам двадцать дублонов.

Солдат аж подскочил.

– Вы так щедро платите за мою жалкую одежонку! Можно подумать, что вы либо принц, либо сколотили состояние в Мексике.

– Да нет, я всего лишь граф и никогда в жизни не видел мексиканских рудников. Так вы принимаете мое предложение?

– Клянусь всеми громами Бискайи! Я был бы полным кретином, если бы отказался от такой суммы. На двадцать дублонов я куплю две новехонькие формы, так что мои товарищи лопнут от зависти.

Граф достал пузатый кошелек и выложил из него на край стола двадцать золотых монет.

– Дарю вам еще и свою шпагу, сеньор граф, – сказал гасконец, который буквально пожирал деньги глазами.

– Предпочитаю собственную.

– Попробуй лучше подарить нам какую-нибудь бутылку, если она у тебя есть, – вмешался Мендоса.

– У меня есть агуардьенте²⁰, какой не пьют даже в Вера-Крусе.

– Вытаскивай ее, приятель. У нас у всех есть один недостаток: нас всегда мучает жажда. Возможно, оттого, что мы много дышим соленым воздухом.

– И у меня такой же недостаток; сейчас достану бутылку!

Он опускал двадцать дублонов в ободренный ящик один за другим, чтобы насладиться звоном золота, потом вытащил бутылку и стаканы. Пока он разливал водку, граф, оказавшийся почти такого же сложения, как и гасконец, быстро переоделся в военную форму. Закончив с одеждой, он выпил свой стакан, а потом обернулся к гасконцу и сказал:

– А теперь позвольте связать вас и заткнуть рот. Когда спустимся, мы скажем кому-нибудь, что с сеньором Баррехо произошло несчастье, люди придут и освободят вас.

– Вы очень любезны, сеньор граф, но я предпочел бы обойтись без платка во рту.

– Искушения так опасны. Вам может разонравиться сделка, и как только мы выйдем, вы закричите: «Держи вора!»

Гасконец высокомерно покачал головой в знак отрицания и отдал себя в руки моряков. У Мендосы и Мартина, как у всех людей их профессии, всегда были при себе веревки. В несколько секунд они надежно связали солдата, засунули ему в рот кляп и повалили хозяина комнаты на кровать.

– Всего хорошего! – несколько иронично сказал баск.

Гасконец шевельнулся, пытаясь ответить, но тут же застыл в неподвижности, словно внезапно заснул. Сын Красного корсара надвинул шлем на лицо, чтобы его не узнали, открыл дверь ключом, который ему дал гасконец, и спокойно спустился по длинной лестнице, сопровождаемый матросами. Они вошли в старый четырехэтажный дом с истертыми ступенями и потемневшими стенами; здесь, определенно, жили простолюдины. Уже у выхода на улицу, в дверях, они столкнулись со старой негритянкой, несшей на курчавой голове большую корзину, полную бананов.

– День добрый, сеньор Баррехо, – сказала она, увидев корсара.

– Ошибаетесь, добрая женщина, – ответил граф. – Я друг сеньора Баррехо. Кстати, как только сможете, поднимитесь к нему на чердак. Мне кажется, что бедняга неважно себя чувствует.

Сказав это, он переступил порог и скорехонько удалился, все так же сопровождаемый двумя флибустьерами. Их легко было принять за моряков, торопящихся на родной корабль. Улица была почти пустынной, потому что жители всех испанских городов с побережий Мексиканского залива имели привычку прекращать с полудня до четырех часов дня все свои дела и предаваться сладкой дреме.

²⁰ Агуардьенте (исп.) – водка.

– Мартин, ты знаешь город как свои пять пальцев, веди нас к порту, – сказал граф, когда они оказались посреди садов.

– Мы не так далеко от него – не дальше, чем в двух выстрелах из аркебузы. – ответил мулат.

– Мне непременно надо увидеть, как они окружили мой фрегат.

– Но мы же не можем добраться до него, не вызвав серьезных подозрений, – заметил осторожный Мендоса.

– Знаю, и это меня беспокоит. Как связаться с моим помощником? Вот в чем вопрос. Не сомневаюсь, что он сможет отыскать проход среди галеонов и каравелл, а потом спокойно взять курс на Тортугу. Однако необходимо, чтобы я оказался на борту судна, прежде чем секретарь сеньора де Монтелимара отправится в Мексику.

– Возможно, мне повезет, – сказал Мартин. – Мулата не очень-то будут подозревать, а вы знаете, что я плаваю как рыба, если не лучше, и могу долгое время проплыть под водой.

– Мне это очень хорошо известно, – ответил граф. – И как раз поэтому я тебя выбрал.

– Значит, мне будет нетрудно незаметно войти в море и добраться до фрегата.

– Тебя могут заметить и убить. Отданы очень строгие распоряжения, которые должны перекрыть мне путь на борт или воспрепятствовать отправить на фрегат какое-нибудь сообщение.

– Не беспокойтесь об этом, капитан, – ответил мулат. – Испанцы хитры, но я-то не глупее их.

– Увидим, – заключил разговор сеньор де Вентимилья, казавшийся очень озабоченным дурным оборотом, какой принимали дела.

Они быстро шли, минуя сады и маленькие банановые плантации и благоразумно держась вдалеке от редких домиков, разбросанных здесь и там.

Через четверть часа они оказались в виду рейда, выйдя в почти безлюдное место.

Граф резко остановился и что-то забормотал, сжимая кулаки.

– Дело серьезное! – сказал Мендоса.

И оно в самом деле было таким.

Четыре галеона, то есть крупных корабля, предназначавшихся в основном для перевозки в Европу драгоценных металлов, добытых в мексиканских и центрально-американских рудниках, да к тому же еще пять каравелл оставили свои якорные стоянки и собрались у выхода из порта, расположившись в две линии: более мощные галеоны – впереди, гораздо более слабые, с малочисленными экипажами, каравеллы – позади них.

Посреди рейда в полном одиночестве стоял фрегат графа, великолепное трехмачтовое судно, удлиненное и узкое, вооруженное двадцатью четырьмя бортовыми орудиями и двумя крупнокалиберными кулевринами в укрытии на полубаке.

На пристани, заваленной товарами, прохаживались многочисленные алебардчики, внимательно наблюдая, насколько можно было заметить, за торговыми судами и рыбачьими лодками, очевидно, получившими приказ не сниматься с якоря.

– Как из этой ловушки выберется лейтенант? – спросил себя граф, одним взглядом оценив ситуацию. – Что ты об этом скажешь, Мендоса?

– Я скажу, сеньор граф, что сеньор Верра достойно выйдет из этой переделки, да еще и даст жестокий урок галеонам и каравеллам, – ответил старый флибустьер. – У него хватает и огненных жерл, и людей, не знающих страха в сердце.

– Верно, но... – начал сын Красного корсара, покачивая головой.

– Вы знаете, сеньор граф, как испанцы боятся флибустьеров. Их считают сынами дьявола.

– Не стану отрицать, Мендоса.

– А в таком случае вы еще увидите, какие чудеса может сотворить ваш экипаж, ведомый сеньором Веррой! Разве лигурийцев не признают лучшими моряками в мире?

– Но пушечное ядро может убить самого храброго человека в мире.

– Только не флибустьера, – возразил Мендоса. – Особенно когда у него в руках хорошая аркебуза, или же он приставлен к пушке.

Корсар улыбнулся, но видно было, что его не слишком убедили слова старого флибустьера.

– Давайте поищем тени, – сказал он, помолчав. – В этих широтах солнце очень жаркое.

В полусотне шагов от них, возле утеса, круто спускающегося к рейду, росли величественные бананы с огромными листьями. Моряки добрались до них и нырнули в заросли этих великолепных растений, на которых уже вызревали огромные связки плодов.

– Запасемся терпением и будем ждать, – сказал граф. – Уверен, что как только стугнутся сумерки, галеоны и каравеллы дадут бой моему кораблю.

– Надеюсь добраться до фрегата раньше, чем раздастся первый выстрел, – пообещал мулат. – Дайте мне ваши инструкции, сеньор граф.

– Тебе надо сказать лейтенанту только одно: пусть ждет нас у мыса Тибурон и внимательно следит за проходом «Санта-Мариин».

– Разрешите, капитан, добавить еще одно, – вмешался Мендоса.

– Говори, дружище.

– Я полагаю, Мартин, что ты зайдешь в воду после захода солнца.

– Не обязательно, – ответил мулат. – Я же буду плыть под водой.

– А как мы узнаем, что ты добрался до фрегата? Судно стоит слишком далеко, чтобы можно было заметить человека.

– К чему ты клонишь? – спросил граф.

– Пусть нам просигнализируют, что Мартин сумел передать помощнику ваши инструкции.

– Обо всем-то ты, хитрец, подумаешь! Мартин, скажи сеньору Верре, чтобы он зажег на юте один за другим четыре зеленых огня.

– Будет исполнено, капитан.

Мулат снял куртку, штаны, сапоги, положил на землю пистолеты и шпагу. Ни нателеной рубахи, ни кальсон на нем не было, а следовательно, он остался совершенно голый.

– Помогите вам Бог, сеньор граф, – сказал он. – Я не забуду ваших наставлений.

– Давай, дружище, и остерегайся испанских пуль, – напутствовал его сеньор ди Вентимилья.

– Прощай, приятель, – сказал Мендоса. – И берегись акул.

– Ну, их-то я не боюсь, – ответил мулат.

Он подпрыгнул три или четыре раза, словно бы проверяя эластичность своих конечностей, потом бросился на землю и пополз, извиваясь подобно змее, среди беспорядочного скопления скал, подходивших к самой воде. В считанные мгновения он добрался до кромки берега и красиво прыгнул в воду, тут же исчезнув под ее поверхностью.

– Настоящий дьявол! – восхитился граф. – В жизни еще не видел более ловкого пловца.

– Я поставил бы свою шпагу против порции табака для моей трубки, – проговорил моряк, – что ему удастся обмануть бдительность испанцев и прошмыгнуть у них под носом, а они этого даже не заметят... О-ля-ля! Видите его? Он вынырнул.

В двухстах метрах от берега на поверхности воды показалась черная точка и почти сразу же исчезла.

Мулат пополнил запас воздуха, выставив из-под воды один только нос, а потом снова нырнул и продолжал свой путь под водой.

Невозможно, чтобы его могли заметить солдаты, дежурившие на пристани, которая отстояла довольно-таки далеко от места, где находились оба корсара. И потом это темное пятнышко легко было принять за рыбу голову.

Еще дважды граф и Мендоса, тревожно следившие за водной поверхностью, замечали высовывавшийся нос мулата, а после – ничего. И расстояние к тому времени уже значительно увеличилось, и сумерки начинали сгущаться.

– Доплывет ли? – тревожно спросил граф.

– Не думайте о нем, капитан, – ответил Мендоса. – Нам скорее надо заняться фрегатом. Не знаю, чего там ждут все эти галеоны и каравеллы.

– Ночи.

– Я атаковал бы немедленно, если бы был командующим эскадрой.

– Сражение не замедлит начаться. Разве ты не видишь на воде лодки, полные солдат, оставивших свои посты на пристани?

– Очень плохой маневр, сеньор граф! Ни одна из этих лодок не спасется от бортового огня фрегата.

Граф поднялся и принялся нервно прохаживаться среди бананов. Мендоса же, наоборот, набил свою трубку и спокойно ее покуривал.

Такое спокойствие старого моряка было скорее видимым, чем настоящим, потому что он то и дело забывал затягиваться и трубка гасла. Тем временем темнота быстро накрывала город, порт и находившиеся в нем корабли.

Фрегат, стоявший недалеко от выхода из порта, был уже почти не виден.

Внезапно корсар вскрикнул:

– Сигнал! Ах, какой молодец Мартин!

Четыре зеленых огня, ярко выделявшиеся в глубокой темноте, появились один за другим на самой высокой надстройке фрегата.

– Я же говорил вам, капитан, что этому дьяволу повезет, – сказал Мендоса, очищая трубку. – Теперь и мы можем отправиться за город, чтобы отведать вина Сан-Хосе. Говорят, они очень изысканные.

– Тише, Мендоса. Фрегат еще не вышел из порта.

– Что ж! Тогда я опять закурю трубку. Уверен, что он проскочит между галеонами и каравеллами. А как только он выберется из порта, пусть за ним гонятся, если смогут.

– Если удастся найти проход, я полностью успокоюсь, мой brave моряк. Никто не сможет догнать его и не...

Пушечный выстрел оборвал его слова.

«Новая Кастилия» открыла огонь, вызывая на бой испанские корабли.

За этим зловещим грохотом, отразившимся от всех городских зданий, наступила короткая тишина, а потом последовал второй залп.

Корсар и Мендоса быстро залезли наверх, на скалы, чтобы удобнее было следить за всеми фазами морского сражения.

И один, и другой страшно волновались, хотя и были полностью уверены в прочности и вооружении корабля, а также в храбрости его экипажа, состоявшего из бесстрашных флибустьеров с Тортуги.

Оба хорошо знали, что у Испании тоже есть немало отважных моряков, умеющих мужественно сражаться за победу.

Пролетело еще полминуты, а потом раздались ответные бортовые залпы галеонов и каравелл.

Битва началась.

Глава V. Бегство фрегата

«Новая Кастилия», выбрав якоря и подняв паруса, воспользовалась свежим береговым бризом и отважно ринулась вперед, к выходу из порта, ничуть не страшась присутствия галеонов и каравелл.

Его стрелки, эти ужасные флибустьеры, почти никогда не промахивающиеся и вооруженные крупнокалиберными аркебузами, расположились за фальшбортами, поверх которых были уложены свернутые койки. Они мгновенно открывали адский огонь по палубам вражеских кораблей, стараясь выбить рулевых и штурманов.

Другие проворно вскарабкались на марсы и готовились швырять бомбы, которыми эти ужасные морские бродяги умело и успешно пользовались.

Экипажи испанских кораблей, уверовав в свое превосходство, смело вступили в бой. Корабли сблизились, чтобы перекрыть вражескому судну проход, поставить перед ним непреодолимый барьер.

К несчастью для себя, испанцы имели дело с опытным моряком, какого нечасто встретишь, привычного ко всяким хитростям, а, кроме того, с быстрым и чрезвычайно легко управляемым парусником.

Несколько минут происходил обмен залпами между фрегатом и галеонами, не причинивший большого ущерба ни той, ни другой стороне, но привлечший на берег залива все население Сан-Доминго; потом канонада смолкла после ловкого маневра «Новой Кастилии», которая переместилась таким образом, что снаряды с испанских судов начали угрожать городским строениям.

Правда, фрегат при этом подставился под огонь артиллерии фортов, а она могла стрелять без опасения нанести ущерб городу. Однако лейтенант был не из тех людей, что способны долго подставлять борта собственного судна под выстрелы неприятеля.

Молниеносно дав два бортовых залпа и вызвав ответный ураганный огонь крепостной артиллерии, «Новая Кастилия» отошла к середине рейда, а потом устремилась прямо к выходу из порта, угрожая пройти то справа от эскадры, то слева.

Двадцать бортовых пушек и две кулеврины с надстройки грохотали не переставая, ведя прицельный огонь преимущественно против каравелл, в то время как стрелки опустошали верхние палубы галеонов, поражая с математической точностью рулевых и офицеров.

Дикими криками оглашались верхние палубы; вой этот смешивался с грохотом орудий и уханьем аркебуз.

Толпа, собравшаяся на берегу, несмотря на реальную опасность от залетающих ядер, также яростно вопила:

– Смерть флибустьерам! Разнесите их в щепки! Убейте их!

«Новая Кастилия» твердо удерживала курс, осыпая неприятельские суда ядрами и гранатами, при этом постоянно готовая пойти на abordаж.

Этот хорошо скрепленный и прекрасно вооруженный корпус, направляемый привычными к почти ежедневным сражениям людьми, был непоколебим в своем поступательном движении.

Со свирепой настойчивостью бортовые орудия отвечали галеонам и каравеллам буквально залпом на залп, тогда как обе кулеврины с надстройки метали время от времени заряды картечи.

Подойдя к галеонам на дистанцию в сотню шагов, корабль корсаров нагло прошел вдоль их фронта, паля из всех аркебуз левого борта; потом, неожиданно развернувшись, направился вправо от эскадры, где еще оставалось достаточно места, чтобы проскользнуть

вдоль берега. Маленькая каравелла попыталась закрыть проход, встав перед фрегатом с целью остановить его и дать время подойти галеонам.

Это суденышко можно было сравнить с мышонком, пытающимся остановить льва.

«Новая Кастилия» мощно ударила малышку своим крепким форштевнем и разломила каравеллу надвое, пройдя посреди обломков; потом, разрядив одним залпом все свои пушки, корабль корсаров вышел из порта.

– Ну, и что вы на это скажете, господин граф? – ухмыльнулся Мендоса, не прекращая отчаянно потягивать трубку. Он стоял, широко расставив ноги и засунув руки в карманы.

– С такими людьми можно завоевать, если понадобится, весь мир, – ответил сеньор ди Вентимилья. – Дорогой мой, я не знаю, нашлось ли бы другое судно, которое смогло бы с таким блеском выйти из подобной ловушки.

– Смотрите, галеоны готовятся в погоню, но на что они надеются? Они хотят догнать наше судно? Милые мои, да вы не знаете «Новой Кастилии»!

– Мне кажется, что теперь они ее узнали.

– Сеньор Верра заставит их побегать.

– А теперь и нам время бежать; попытаемся выбраться из Сан-Доминго до восхода солнца. Теперь весь свой гнев испанцы обратят против нас. Охотиться за нами они будут безо всякой жалости.

– А уж если они нас схватят, веревки нам обеспечены, господин граф, – сказал Мендоса.

– Ну, может быть, они еще не сплетены, эти две веревки. Ты-то ведь тоже знаешь город!

– Достаточно хорошо, чтобы вывести вас к Пуэрта-дель-Соль.

– И нам позволят выйти в такое время?

– Даже не надейтесь, капитан.

– Зачем же ты меня туда приведешь?

– Рядом с ними находится полуразрушенный бастион, и мы найдем способ спуститься в ров и даже ...

Он вдруг прервался, взглянул на графа да так и остался с открытым ртом.

– Так что же? – спросил корсар.

– Я – настоящий болван, капитан!

– Почему это?

– Да потому что мы можем пройти через Пуэрта-дель-Соль, не подвергаясь опасности сломать шею при спуске в ров... Как же быстро я состарился!

– Ты что, с ума сошел, Мендоса?

– Нет, господин граф, но постепенно становлюсь кретином. Разве не одеты вы в форму алебарщика?

– Вроде бы да.

– Мы явимся к охране городских ворот, и вы скажете, что получили приказ конвоировать меня и вышвырнуть из города. Можете добавить, если это вам не будет в тягость, что я шпионил для буканьеров. Солдату всегда поверят.

– А ты только что признался, что становишься кретином, – рассмеялся граф. – Помоему, так ты с каждым днем делаешься все хитрее, старый кашалот. Ходу! Я не хочу, чтобы завтрашний рассвет застал меня в Сан-Доминго.

Они выбросили одежду и шпагу Мартина в густой кустарник и направили свои стопы к городским воротам, выбрав длинную улочку, змеей извивавшуюся среди изгородей и великолепных рядов бананов и пальм. Поскольку все население сбежалось к пристани, им не встретилось ни души, и они смогли беспрепятственно пересечь город. Остановились они возле Пуэрта-дель-Соль, едва ли не главных ворот Сан-Доминго в то время, выходявших прямо в поля.

Два алебардщика, вооруженных длинными пиками, прогуливались перед воротами, покуривая трубки и мирно болтая. Как только часовые заметили приближающихся графа и его матроса, они остановились, загораживая проход. Потом один из часовых, убедившись, что имеет дело с солдатом, спросил:

– Куда идешь, приятель?

– Мне приказано сопровождать этого человека за границей города, – объяснил сеньор ди Вентимилья.

– А кто это?

– Правительственный курьер.

– Пеший? Без лошади?

– Он знает, где достать ее. Открывайте поскорее ворота, потому что мы очень спешим.

– И тебе не дали никакой бумаги?

– Разве я не солдат?

– Верно, но нам тоже дали приказ: не выпускать никого за пределы города.

– Этот приказ касается штатских.

– Подожди, мы позовем старшего: я не хочу брать ответственность на себя.

Он вошел в расположенную рядом казарму и быстро вышел с другим солдатом, несшим в руках фонарь; за ним с грохотом волочилась по земле огромная шпага.

– Посмотрит-ка на этих людей, Баррехо, – сказал часовой.

– Гром и молния! – процедил Мендоса. – Гасконец! Теперь мы пропали!

Граф вздрогнул от удивления и быстро положил руку на пистолет Мартина, готовясь вступить в безнадежную схватку. Гасконец приблизился к ним и не мог сдержать жеста изумления, узнав свою кирасу и свою одежду, в которую облачился граф.

– О, приятель! – протянул он, вытаращив глаза.

Потом, повернувшись к часовым, Баррехо приказал:

– Продолжайте патрулировать, я знаю этих людей.

Он дождался, пока часовые отойдут подальше, а потом, еще раз подняв фонарь, чтобы хорошенько разглядеть лицо графа и его спутника, спросил:

– Что вы делаете здесь, сеньор, в моей одежде? Не вы ли дали мне за нее двадцать дублонов?

– Да, господин Баррехо, – ответил сеньор ди Вентимилья.

– А зачем вы сюда пришли?

– Предложить вам еще десять дублонов, если вы не против.

– Клянусь всеми ветрами Бискайского залива! Вы хотите сделать меня миллионером?

– Нет, я хочу, чтобы вы немножко поправились и не были таким тощим.

– Все гасконцы тощие, сеньор граф. Зато какие стальные у нас мускулы!

– Кто знает, не увижу ли я их в один прекрасный день за работой! Ну так, хотите увидеть еще десять дублонов?

– Что мне надо сделать?

– Очень простую работу: открыть ворота и выпустить нас.

– И больше ничего? – удивился гасконец.

– Ничего. Признаюсь, мы сказали вашим парням, что являемся правительственными курьерами.

– А вы не боитесь встретить буканьеров? Говорят, они готовят нападение на город.

– Не беспокойтесь об этом, господин Баррехо. Откройте нам ворота, и еще десять золотых монет пополнят вашу маленькую сокровищницу.

– Да я готов открыть вам все городские ворота, – ответил дон Баррехо. – Проходите, господин граф; мои подчиненные не сделают вам ничего плохого.

Он схватил огромный ключ, висевший на гвозде, и открыл тяжелую створку ворот, обитую железом, потом провел корсаров через узкий проход, проделанный в толще массивного бастиона.

– Вот вам и чистое поле, – сказал алебардщик, открывая еще одну дверь. – Вы позволите немного проводить вас?

– Я сказал вам, что мы не боимся, – ответил ему граф.

– Не сомневаюсь в этом, сеньор, но что вы хотите? Мне необыкновенно нравится ваша компания.

– Надеюсь, вы не собираетесь наблюдать за нами? – вмешался Мендоса.

– Не обижайте гасконцев!.. Мы не привыкли лгать.

– Тогда идите, – согласился граф. – Вы можете дать нам кое-какую ценную информацию.

– Я в вашем полном распоряжении, господин граф, – сказал гасконец.

– Вы могли бы, например, рассказать нам, где мы сможем достать лошадей.

– Примерно в полумиле отсюда есть корраль²¹; он находится возле крупного поместья. Если у вас еще остались эти красивые дублоны, вы можете там закупить столько лошадей, сколько захотите.

– Наши кошельки еще достаточно толстые, несмотря на мои траты.

– Я отведу вас туда.

– А если ваши приятели, не дождавшись вашего возвращения, поднимут тревогу?

– Да пусть они идут к черту! – сказал Баррехо, пожав плечами. – Разве не могу я ночью пойти погулять и проводить людей, присланных его превосходительством губернатором?

– А ведь в самом деле! – рассмеялся граф. – Мы же очень важные персоны.

– Которые тем не менее путешествуют без документов, – лукаво добавил гасконец.

– Они у нас всегда нацеплены на кончиках наших шпаг.

Солдат понял, на что намекает граф, и, несмотря на свое гасконское происхождение, почел за благо прекратить разговор.

Они шли вперед по дорожке, окаймленной великолепными агавами, волокнистыми растениями, из которых получают эластичные и тонкие нити, а из листьев агав индейцы гонят брагу под названием «пульке», напиток очень пенистый и очень приятный. А за этой огромной изгородью простирались огромные плантации сахарного тростника и кофе, самые главные богатства этого плодороднейшего острова.

Во мраке над полями летали рои светящихся мух²², насекомых, излучающих свет намного более сильный, чем дают наши светляки, а в бороздках плантаций или вокруг прудов рокотали желто-черные жабы с рогами отростками и посвистывали тысячи и тысячи лягушек.

Трое мужчин шли в тишине около четверти часа, освещая путь фонарем; потом, когда дошли до развилки дорог, гасконец остановился.

– Вы нас покидаете? – спросил граф.

– Это зависит от вас, сеньор, – ответил солдат.

– Что вы хотите сказать?

– Господин граф, я – порядочный человек, младший отпрыск дворянского рода из Гаскони. Вот. Вы знаете, что в моих краях все в той или иной степени благородного происхождения, хотя все бедны; бедны, потому что наши отцы не оставили нам другого наследства, кроме шпаги и фехтовальной школы.

– Что из этого следует, сеньор Баррехо?

²¹ Корраль (исп.) – скотный двор, загон.

²² Светящиеся мухи (исп. moscas de luz) – вид тропических светлячков.

– Я хотел бы знать, кто вы и почему вы бежали из Сан-Доминго в то самое время, когда был отдан приказ препятствовать выходу любого горожанина.

Граф несколько мгновений молчал, рассматривая солдата, потом сказал:

– Держу пари, что вы это уже знаете.

– Возможно.

– Я – капитан фрегата, вошедшего в порт вчера утром; два часа назад его обстреляли испанцы.

– Флибустьер, не так ли?

– Вы очень проницательны, сеньор Баррехо. Теперь вы вернетесь и, разумеется, предупредите губернатора.

– Я? – возмутился гасконец. – Предам вас? Никогда! Мы же люди чести.

– В таком случае я удовлетворил ваше любопытство.

– Сеньор граф, а если я сделаю вам некое предложение?

– Говорите.

– Мы, гасконцы, рождены для войны, мы не любим, чтобы ржавели в бездействии наши шпаги. Моя уже два года спит в ножнах здесь, в Сан-Доминго; кажется, она уже позабыла, как из них выйти. Хотите взять меня на службу? У флибустьеров всегда случается оказия размять руки.

– Но и найти легкую смерть! – добавил Мендоса.

– Мне тридцать два года, и я достаточно пожил, – возразил гасконец. – Берете меня, сеньор граф? Клянусь, что на мой клинок можно положиться.

– А кроме того, вы избавите его от страшной скуки, – не унимался Мендоса, которому пришелся по душе этот буян.

– Идет! – решил сеньор ди Вентимилья. – Храбрый солдат не будет лишним на моем корабле.

– Вы же не испанец, а значит, можете перейти к неприятелю, – сказал Мендоса.

– Я только наемник и никто иной, а в качестве такового могу предложить свою руку и шпагу всякому, кто мне больше понравится.

– Вам знакомо селение Сан-Хосе?

– Я знаю половину острова Сан-Доминго.

– Вы можете провести нас в имение маркизы де Монтелимар?

– Даже с завязанными глазами.

– Тогда прежде всего позаботимся о лошадях. Не сомневаюсь, что испанцы пустятся за нами в погоню.

– Будьте уверены, сеньор граф, – подтвердил гасконец. – По нашим следам пустят также стаи их ужасных собак.

– Тогда в путь, Баррехо, – сказал граф. – У меня нет никакого желания подставлять икры своих ног этим зверюгам.

– Нам придется идти лесами, сеньор граф. По дорогам ходят дозоры. Они могут остановить нас.

– И много их вдали от города?

– Да порядочно.

– Тогда пойдем навестим леса.

Гасконец отбросил фонарь, свет которого мог выдать беглецов и привлечь внимание какого-нибудь дозорного отряда, направленного в разведку или на охоту за буканьерами.

Подобные группы солдат, состоявшие из пятидесяти человек каждая, должны были препятствовать буканьерам, союзникам флибустьеров, охотиться на многочисленных одичавших быков, которые в те времена свободно бродили по лесам острова.

Испанцы не осмеливались выступать против этих жестоких, никогда не промахивавшихся охотников, а поэтому решили уморить их голодом; для этой цели и были созданы летучие отряды.

Поначалу отряды вооружили огнестрельным оружием, но они не желали нападать на буханьеров или вступать с ними в жаркие схватки, а предпочитали разряжать свои мушкеты в воздух, как только станет заметно буханьерское присутствие.

Предупрежденные об опасности охотники спокойно переходили в другое место.

Губернаторы ряда городов, догадывавшиеся об обманах, отобрали у дозоров огнестрельное оружие, оставив только алебарды, что, как легко догадаться, не принесло никакого практического результата.

Если прежде удирали буханьеры, то теперь пускались в бега алебардчики, чуть заслышав вдалеке выстрел; таким образом, сражения стали такими же редкими, как белые мухи, ибо никто не желал бессмысленно рисковать своей шкурой.

Таковы были эти знаменитые дозорные отряды, прозванные полусотнями; с их помощью губернаторы надеялись уничтожить всех буханьеров (а было их очень много), которые наносили ущерб необозримым лесам острова и были всегда готовы прийти на помощь флибустьерам с Тортуги, когда заходила речь об организации какого-нибудь серьезного грабежа.

Гасконец вместе с двумя своими новыми приятелями пересек огромную плантацию сахарного тростника. Потом решительно направился в лесную чащу, состоящую в основном из огромных стволов хлопкового дерева; из таких полых стволов индейцы, да и негры, строили каноэ, способные вместить до сотни человек.

– Корраль находится по ту сторону леса, – объяснил солдат графу. – Мы сэкономим время и не подвергнемся опасности наткнуться на какую-нибудь полусотню. Постарайтесь не делать лишнего шума, потому что в зарослях могут оказаться быки, а они, скажу я вам, бывают очень опасны, когда их потревожат!

Идти вскоре стало очень трудно, особенно Мендосе, привыкшему ступать только по палубам да лазить на мачты.

В те времена на Сан-Доминго, как и на близкой Кубе или на Ямайке, росли леса, старые, как мир; один слетевший лист в них ложился на другой, погребая под кучами мертвой листвы упавшие стволы и ветки. Так образовывался тот чудесный растительный перегной, который позднее так хорошо послужит предприимчивым плантаторам.

Тут и там тянулись ввысь хлопковые деревья вперемешку с гигантскими пальмами, а то и в тени их, удерживая неизвестно каким образом свои гигантские стволы, не имевшие иной поддержки, кроме маломощного – толщиной не более двух футов – пласта почвы, совершенно недостаточного для огромных корней.

Но больше всего было густых кустарников: настоящие заросли, словно специально созданные для засады и заставлявшие то и дело ворчать Мендосу, потому что кусты оказались превосходно вооруженными преострейшими шипами.

Гасконец, который не раз принимал участие в рейдах полусотен, к счастью, не колебался в выборе дороги, хотя под этими огромными зелеными сводами царила почти полная темнота.

– У меня в голове буссоль, – без конца повторял он, прорубая шпагой в кустах проход для графа.

И на самом деле казалось, что этот дьявол в человеческом облике, вполне уверенно шедший без остановок, обладает особой способностью ориентироваться – точно так же, как и почтовые голуби. А вот кто чувствовал себя неуверенно, так это Мендоса. Привыкший к жизни на море, он понимал, как легко заблудиться в этих лесах.

Этот труднейший переход длился уже три часа, когда маленький отряд вышел на обширную равнину, усеянную множеством прудов.

Дьявольский шум поднимался от высоких трав и зарослей тростника, покрывавших равнину. Рокотали миллионы жаб, посвистывали американские лягушки, а время от времени ко всему этому гаму примешивались хриплые крики, напоминающие грохот барабанов и пушечные выстрелы.

Гасконец остановился, чертыхаясь то ли на французском, то ли на испанском языке.

– Эге, приятель, не выронил ли ты буссоль из своей головы? – спросил Мендоса.

Гасконец помолчал, а потом, яростно колотя по кирасе, сжимавшей его грудь, ответил:

– Мне кажется, она испортилась.

– Что?

– Да моя буссоль.

– Это серьезная проблема для моряка.

– Да порой и для сухопутного человека, – ответил авантюрист, казавшийся сконфуженным. – Как же это я заблудился? Ведь я не раз здесь бывал.

– Надеюсь, дон Баррехо, что вы не собираетесь скормить нас кайманам, – заметил сеньор ди Вентимилья.

– Я берегу свои ноги не меньше вас, – ответил гасконец. – Хотите, дам вам совет, сеньор граф? Давайте подождем до рассвета.

– А тем временем вздремнем немножко, – добавил Мендоса. – Смотрите, какая густая и свежая трава. Мы выспимся лучше, чем на койке «Новой Кастилии».

– А кайманы закусят вашими ногами, – сказал гасконец. – Не закрывайте глаз, сеньор, умоляю вас. Я знаю, как опасны здешние болота!

– Есть у вас сигара, дон Баррехо? – спросил граф.

– Запасся, сеньор граф. У меня – кубинские, лучшие из тех, что делают на берегах Мексиканского залива.

– Дайте одну, и будем ждать восхода солнца. Надеюсь, с вашей помощью мы не потеряемся в гуще лесов Сан-Доминго.

– Тише, сеньор!

– Что там еще? Если это кайман, мы вдвоем заколем его своими шпагами. Кстати, я еще не видел, как работает ваша драгинасса.

– Это не кайман! К нам приближается полусотня! Тише!

Все обратились в слух, укрывшись за огромным стволом хлопкового дерева. Казалось, из леса выходит большой отряд. Слышались тяжелые, размеренные шаги людей, привыкших ходить строем.

– Сейчас они нас схватят! – пробормотал Мендоса. – Что за прекрасная ночная прогулка! Лучше бы было остаться в Сан-Доминго.

– Тише, вечный брюзга! – прошептал граф. – Ты хорошо знаешь, что полусотни предпочитают ходить по своим делам. Не шевелись, и никто не будет искать тебя за таким стволом.

– Хорошо сказано, сеньор граф, – вмешался гасконец. – Впрочем, хватило бы одного выстрела из пистолета, чтобы рассеять этих бедняг. С тех пор как губернаторам пришла в голову дурная мысль отобрать у них огнестрельное оружие, бедолаги просто не в состоянии ввязаться в бой.

– Если только при них нет собак, – уточнил Мендоса.

– Вот этого я и боюсь, – продолжал гасконец. – Но у вас же есть четыре пистолета. Дайте мне один – и вы увидите, что они удерут, как зайцы, хотя среди них есть настоящие храбрецы, уверяю вас. Из испанца всегда получается хороший солдат, а даже я, хоть и гасконец, покажу спину, если со шпагой в руках встречу буканьера, вооруженного аркебузой.

– Ну и хвастун! – усмехнулся Мендоса.

– Вы еще увидите меня в деле, приятель, – ответил слегка обиженный солдат. – Тише, они подходят.

Многочисленный отряд вышел из трав и тростников и приближался вдоль края леса. И в самом деле это была одна из тех пресловутых полусотен, вооруженных исключительно алебардами и шпагами, но не имевших ни одного ствола. Отряд состоял из алебардщиков, прикрытых шлемами и кирасами, – защиты совершенно неэффективной против крупнокалиберных пуль буканьеров.

Перед отрядом бежал кубинский дог²³. Эти свирепейшие собаки вырастают очень большими, они чрезвычайно сильные, их храбрость многократно проверена. Испанцы, как правило, выпускают их против индейцев, жутко боящихся этих озлобленных зверюг.

Испанцы должны благодарить собак этой породы за помощь, оказанную ими в завоевании многих колоний на побережье Мексиканского залива. Можно даже утверждать, что Колумбию завоевали скорее эти доги, а вовсе не конкистадоры.

Пес, подойдя к могучему хлопковому дереву, остановился, с шумом втянул в себя воздух, и полусотня, ведомая офицером, тотчас же расположилась в четыре ряда, опустив алебарды.

– Приятель, – прошептал Баррехо, поворачиваясь к Мендосе, – займитесь этим псом, только не промахнитесь, иначе он перегрызет вам горло.

– С этим делом я справлюсь, – шепнул в ответ флибустьер.

– А о полусотне подумаем я и сеньор граф.

Все трое вооружились пистолетами и стояли бок о бок, готовые обнажить шпаги.

Дог все еще нюхал воздух, повернув массивную голову к огромному дереву, и глухо рычал. Должно быть, он учуял врага.

Кто-то из авангарда полусотни крикнул:

– ¡Ay, perrito!²⁴

Пес, услышав эту команду, яростно бросился вперед, надеясь схватить зубами таинственных соперников, не осмеливающихся показаться.

Мендоса, не сводивший с животного глаз, был готов к стрельбе. Он раздробил собаке череп, а в то же время граф и гасконец открыли огонь по полусотне, стреляя не целясь.

Испанцы, полагая, что им противостоит крупный отряд этих ужасных, никогда не промахивающихся буканьеров, моментально исчезли в болотных тростниках.

– Разбежалась полусотня! – рассмеялся гасконец. – А нам теперь придется поработать ногами, потому что завтра утром они вернутся сюда и, когда узнают, по нашим следам, что имели дело всего с тремя противниками, пустятся в погоню. Самое время удирать, сеньор граф!

– Такие-то чудесные прогулки совершаются в Сан-Доминго, – сказал Мендоса. – Я лично предпочитаю прогуливаться по палубе «Новой Кастилии».

И они пустились бежать так, словно за ними гналась по пятам стая огромных псов.

Гасконец, обладатель самых длинных ног, мчался с невероятной скоростью вдоль лесной опушки, отступив все же за первые ряды деревьев, из боязни быть замеченным полусотней, оправившейся от неожиданности и снова сформировавшейся для погони.

– Этот плут поклялся уморить меня! – ворчал Мендоса, сопевший тяжело, словно буйвол. – И долго еще будет длиться эта история?

²³ Кубинский дог – его также называют канарским; крупная порода собак: ростом до 66 см и весом до 45 кг (у кобелей). Испанцы вывели этих сторожевых псов из диких собак местной породы, встреченных на Канарских островах. Доги (Сальгари называет их также мастифами, хотя это уже совсем другая порода) использовались как для охраны, так и для охоты за людьми (преимущественно – индейцами и беглыми рабами).

²⁴ Вперед, собачка! (исп.).

Казалось, гасконец наделен невероятной выносливостью и стальными мускулами, так как он ни на секунду не замедлял свой бег.

Сын Красного корсара оказался не менее выносливым, у него и скорость была высокой, как будто он давно привык к длинным пробегам.

Это бешеное галопирование продолжалось около часа, потом гасконец остановился.

– Возможно, и достаточно, – сказал он. – Полусотня боится больше нас и не осмелится пуститься за нами в погоню, прежде чем не встретит другую полусотню или не разживется собаками, а на это надо время, и мы сможем добраться до виллы маркизы без новых приключений.

– Но вы же даже не знаете, где мы находимся! – еле выговорил Мендоса, пыхтевший как кузнечный мех или свежий ночной бриз.

– Если идти не останавливаясь, можно попасть даже в Париж! – парировал Баррехо.

– У меня на родине говорят, что все дороги ведут в Рим, – добавил граф.

– Но не на виллу Монтелимар! – не сдавался Мендоса, бывший, как казалось, в плохом настроении.

– Вы, приятель, все время ворчите на своего капитана. Это нехорошая привычка, – сказал гасконец.

– Исправлюсь со временем.

– Вы, пожалуй, уже стары для этого.

– Флибустьеры всегда молоды. Испанцы об этом знают.

– О, я этого не отрицаю, дружище! У вас всегда в груди горит огонь.

– Только вот ваших ног нет.

– Ну, так что мы теперь будем делать, дон Баррехо? – спросил граф.

– Что касается меня, то я бы позавтракал, – сказал Мендоса. – После этой гонки у меня разыгрался акулий аппетит.

– Пока что удовольствуйся своей трубкой, – посоветовал граф. – Если не поможет, затяни потуже пояс.

– Хороший совет, – согласился гасконец.

– Только он никого до добра не доведет, – пробурчал Мендоса. – Вот и займитесь его применением на практике.

– Вы ничего другого не можете предложить, дон Баррехо? – спросил граф.

– Могу: давайте ляжем в эти свежие травы и будем отдыхать до утра.

– А кайманы? – спросил Мендоса. – Совсем недавно вы очень боялись этих животных.

– Они далеко отсюда, а потом мы же не будем закрывать глаз.

– Поскольку нет ничего лучшего, придется выполнять этот совет, – сказал граф и повалился в траву, с видимым удовольствием вытягивая ноги. – Уже двое суток, как я и этот вечный ворчун не отдыхали. Не так ли, Мендоса?

– Может быть, и больше двух суток, – проговорил Мендоса, подражая графу.

Гасконец внимательно поглядел во всех направлениях, потом встал на колени, приложил ухо к земле, внимательно прислушался, а потом в свой черед вытянулся в траве, объявив:

– Ничего, мы можем отдыхать.

Но закрыть глаза было нелегко.

Непрерывно рокотали крупные жабы, и рокот их становился все громче; кайманы всю старались подражать им, а лягушки соревновались между собой в силе своего исступленного посвистывания, как будто все они договорились помешать Мендосе вздремнуть хотя бы с четверть часа.

Было, однако, уже очень поздно, и рассвет вот-вот не замедлит явиться. На широте Мексиканского залива солнце заходит очень рано, но и восход не задерживается.

Летом в половине четвертого небо окрашивается первыми красками зари, и гаснут звезды.

Трое флибустьеров (поскольку и гасконца уже можно было причислить к рыцарям удачи) отдыхали пару часов, не прекращая напряженно прислушиваться, – из страха, что собаки полусотен могут застать их врасплох; и вот мрак начал редеть.

– В дорогу, сеньор граф, – сказал гасконец, быстро поднимаясь. – Я попытаюсь сориентироваться.

– Исправилась буссоль в вашем мозгу? – рассмеялся Мендоса.

– Солнце займется ее проверкой, – парировал искатель приключений.

– Надеюсь, что светило будет хорошим механиком.

– Увидите, приятель.

Они уже собирались отправиться в путь, когда услышали выстрел; стреляли где-то вблизи.

– Полусотня! – подскочил Мендоса.

– Которая стреляет из своих алебард! – заметил с улыбкой гасконец. – Я-то полагаю, что это подходит наш завтрак. Сеньор граф, у вас есть знакомые среди буканьеров?

– Ну, если не меня, то по крайней мере трех корсаров они хорошо знают: Красного, Черного и Зеленого.

– Из этой аркебузы наверняка стрелял буканьер.

– Пошли его искать, – ответил сеньор ди Вентимилья.

Они бегом продрались через густой кустарник и, оказавшись на его окраине, заметили стоящего посреди поросшей травой поляны плохо одетого мужчину, скорее уже пожилого.

На нем был кожаный передник, а голову прикрывала широкая фетровая шляпа; он стоял возле умирающего гигантского дикого быка. Увидев чужих, охотник отступил на несколько шагов и угрожающе крикнул:

– Кто вы? Отвечайте или я перестреляю вас, прежде чем вы сумеете ко мне приблизиться!

– Мы флибустьеры, переодевшиеся в испанцев, – ответил граф на чистейшем французском языке, потому что именно на нем раздалась угроза. – Я сын Красного корсара и племянник Зеленого и Черного.

– Черного корсара! – изумился буканьер, выронив аркебузу и подаваясь вперед. – Того самого вожака, который вместе с Граммоном, Лораном и Ван Хорном взял Вера-Крус? Я дрался под его началом! Громы и молнии Бреста! Сеньор, я к вашим услугам! Приказывайте!

Глава VI. Буканьер

Индейцы с больших островов в Мексиканском заливе называли словом «букан» человека, вялившего и коптившего шкуры и мясо убитых на охоте животных, ютившегося в простом шалаше, сооруженном порой из плохо переплетенных веток. От этого слова произошло и название «буканьер».

Эти грозные охотники, поставившие столько людей флибустьерам Тортуги и причинившие столько неприятностей испанцам, предпочитали селиться на острове Сан-Доминго, самом богатом дикими животными.

По большей части это были французские, английские и фламандские авантюристы, бежавшие с родины из-за нищеты или от преследований за преступные деяния.

Убранство буканьеров состояло из грубо тканной рубахи, вечно испачканной кровью, пары штанов из такой же ткани, пояса из необработанной шкуры, к которому цеплялись короткая сабля, пара ножей и две сумки, набитые порохом и пулями, а также бесформенной шляпы и башмаков из свиной кожи.

Самое большое желание буканьера заключалось в обладании хорошей аркебузой, стрелявшей пулями весом в унцию, и сворой в двадцать пять-тридцать блаухаундов²⁵, которых используют в охоте на диких быков, весьма многочисленных в те времена в Сан-Доминго, как уже было сказано.

Пищей им служили плохо прожаренные говядина или свинина, в лучшем случае приправленные перцем или смоченные соком лимона, не всегда посоленные, а пили они простую воду, и не всегда чистую, поскольку жили преимущественно поблизости от болот, где было больше крупной дичи, чем в обширных лесах, занимавших центральную часть большого острова.

Эти неустрашимые охотники не искали других удобств, кроме хибары, недостойной даже тех хижин, которые создают полинезийцы или африканские негры; в таком шалаше им едва удавалось отдохнуть от проливных дождей или палящего солнца.

Живя с самого начала без женщин и детей, они взяли привычку селиться по двое, чтобы помогать друг другу, или брать в обучение новичка, с которым далеко не всегда хорошо обходились.

В этом странном обществе все было общим, и тот, кто выживал, становился полным наследником сожителя.

И при всем при том существовала определенная общность имущества: то, чего не хватало одному, он запросто, не прося никакого разрешения, брал у другого; отказ в нужной вещи воспринимался как серьезное оскорбление.

Крупные конфликты поэтому возникали между ними крайне редко, а если и случалось такое, то стороны всегда проявляли волю к примирению; если же спорщики все-таки не приходили к соглашению, то дело решалось поединком, но беда была тому, кто стрелял сзади или сбоку!

Виновного хватали, и удар дубиной по черепу отправлял его в мир иной, потому что эти авантюристы считали себя людьми чести, хотя происходили по большей части из низов западноевропейского общества.

Не стоит и говорить, придерживались ли они законов своей родной страны, от которых считали себя освобожденными, после пересечения тропиков и морского крещения, церемонии в те времена весьма распространенной в отношении тех, кто в первый раз пересекал экватор.

²⁵ Блаухаунд (англ. blood-hound) – ищейка.

Возможно, поэтому они отказывались от своих настоящих имен и брали себе другие.

А вот от своей религии они полностью не отказывались, будь то французы, англичане или голландцы; но вся их религиозность сводилась к упоминанию имени Бога и преобразование его в абстрактную идею, которой они пользовались по своему усмотрению.

Странным был и способ, каким они порой вступали в брак с женщинами, по большей части индианками или же с европейскими пленницами, проданными в качестве рабынь на Тортуге.

– Отныне и навсегда ты должна будешь всегда признавать мою правоту, – произносили эти гордые люди.

Потом, стукнув по стволу своей непогрешимой аркебузы, угрожающе добавляли:

– Вот кто отомстит за меня, если ты откажешься мне повиноваться!

На охоту буканьеры обычно отправлялись на рассвете. Впереди бежали их собаки, а позади шли новобранцы.

Впереди своры следовала ищейка. Найдя дикого быка или кабана, она давала сигнал другим собакам, те с лаем бросались за ней и окружали зверя, дожидаясь прихода хозяина.

Выстрел почти всегда бывал точным, и первым делом сваливший дикое животное охотник надрезал щиколотку.

Если рана была легкой, животное приходило в бешенство и бросалось на охотника, ловкий буканьер всегда успевал спастись, вскарабкавшись на дерево. Оттуда он легко приканчивал выстрелом из аркебузы добычу, поскольку животному не хватало времени убежать.

С него быстро сдирали шкуру, потом буканьер и его помощник вынимали одну из крупных костей, разрубали ее и высасывали еще теплый костный мозг; обычно таким бывал их завтрак!

Пока новичок занимался отделением лучших кусков для вяления или копчения, а потом относил их в хижину, буканьер с помощью собак продолжал охоту, прекращая это занятие только с наступлением сумерек.

Когда у буканьера набиралась солидная партия обработанных шкур, он отвозил ее на Тортугу или в другой излюбленный флибустьерами порт.

Такого рода существование, которое проходило в описанных упражнениях и поддерживалось упомянутыми продуктами, уберегало охотников от множества болезней, которым подвержены другие люди.

Самое большее, их иногда поражала непродолжительная лихорадка, пропадавшая от простого окуривания табачными листьями.

Но длительное напряжение и непогоды должны постепенно истощать буканьеров.

Испанцы, обеспокоенные присутствием этих охотников, которые сплошь были иностранцами, некоторое время позволяли им охотиться, но как только увидели, что буканьеры начинают обосновываться на полуострове Самана, у порта Марго, в сгоревшей Саване, около Гоньйивес, на пристани Мирфолайс или во внутренних районах острова Авачес, занялись изгнанием чужаков с большого острова и объявили этим несчастным настоящую войну на уничтожение.

И война разразилась жесточайшая.

Испанцы с легкостью устраивали настоящие бои этих обездоленных, которые, несмотря ни на что, никогда не прибегали к ответным нападениям на своих врагов.

Буканьеров часто заставляли врасплох, когда они оказывались в явном меньшинстве во время переходов или отдыхали ночью в своих жилищах; некоторых схваченных охотников зверски убивали, других обращали в рабов, таких же, как негры или индейцы, принуждая ударами бичей к тяжелой работе на плантациях.

Разумеется, в результате подобных преследований буканьеров мало-помалу истребили бы те многочисленные полусотни, что прочесывали леса, если бы охотники, хорошенько посоветовавшись, не решились бы объединиться в целях собственной защиты.

Необходимость охотиться вынуждала их днем рассеиваться, но вечерами они собирались в условленном месте, и если кого-нибудь не хватало, они делали вывод, что отсутствующего могли убить; тогда они прекращали свои охотничьи набеги до тех пор, пока не найдут исчезнувшего или не отомстят за него.

После этого война дошла до крайней степени ожесточения. До того буканьеры позволяли себя уничтожать; с этого момента они стали прибегать к таким устрашающим расплатам, что буквально весь остров был залит кровью, а названия многих местностей еще и в наши дни напоминают о случившемся там кровопролитии.

Буканьеры, однако, боялись, что не смогут противостоять бесчисленным испанским полусотням, а поэтому после длительной борьбы решились перебраться на маленькие островки, окружающие Сан-Доминго.

На охоту они выбирались только крупными отрядами и отчаянно сопротивлялись, если встречали неприятеля.

Некоторые поселения буканьеров приобрели широкую известность, как, например, Байаба, расположенная возле обширного порта, который посещали английские, французские и голландские корабли.

Именно буканьеры Байабы, когда однажды не досчитались четырех своих товарищей, организовали крупную экспедицию, чтобы освободить друзей или отомстить за них.

По дороге они узнали, что охотников схватили и повесили в Сантьяго; тогда буканьеры казнили доносчиков-испанцев, а потом яростно бросились на штурм города. Приступ удался, и буканьеры растерзали всех, кого нашли за городской стеной.

Всегда находились испанцы, готовые мстить за поражения; только вот очистить от буканьеров леса острова, как того хотели мстители, было очень трудно.

Со временем, однако, испанцы перебили всех диких быков и кабанов, обитавших в лесах и болотах, и этот удар оказался таким губительным для буканьеров, что им впору было решиться либо повернуться к морю, чтобы отыскать новую пищу, либо – к земле, чтобы собирать урожай и торговать им.

Только испанцы обманулись в своих ожиданиях, так как буканьеры из сухопутных охотников превратились в морских бродяг, став теми грозными флибустьерами, которые будут причинять столько убытков испанским колониям Мексиканского залива и Тихого океана.

* * *

Буканьер, как мы сказали, услышав слова сына Красного корсара, выронил аркебузу и сделал несколько шагов вперед, держа шляпу в руках и почтительно приветствуя графа глубоким поклоном.

– Сеньор, – сказал он. – Что вы от меня хотите? Для меня было бы большой честью оказаться хоть чем-нибудь полезным племяннику великого Черного корсара.

– Я ничего от вас не требую, кроме надежного убежища на несколько часов и завтрака, если это возможно, – попросил граф.

– Предлагаю вам столько бифштеков, сколько вы захотите, и превосходный бычий язык, – ответил буканьер. – Я держу про запас, для неожиданных посетителей, несколько бутылок агуардъенте и буду счастлив предложить их вам.

– Как вас зовут?

– Буттафуоко²⁶, – смеясь ответил буканьер.

– Прозвище, не так ли?

– Свое имя я позабыл, – сказал охотник, нахмутив лоб. – Пересекая океан, все мы забываем свои прежние имена, но вам я могу сказать, что был сыном добропорядочной семьи из Лангедока. Что вы хотите? Юности порой свойственно совершать плохие поступки... Давайте не будем об этом. Пусть это останется моим секретом.

– Да я вовсе и не хочу его узнать, – успокоил его граф.

Буканьер провел три-четыре раза по лбу огрубевшей, испачканной кровью рукой, словно хотел отогнать давние и болезненные воспоминания, а потом сказал:

– Вы попросили у меня убежище и завтрак; я горд предоставить и то, и другое племяннику великого корсара.

Он приложил руку ко рту, засунул два пальца в рот и пронзительно засвистел.

Несколько мгновений спустя из леса вышел юноша лет двадцати или двадцати двух, худой, светловолосый, с голубыми глазами, одетый как буканьер, в сопровождении семи или восьми больших собак.

– Сними шкуру с этого зверя, – приказал ему строго Буттафуоко, – и принеси поскорее язык и котлеты. Их надо съесть сегодня вечером.

Потом, повернувшись к корсару, продолжал с любезностью, странной для человека такой грубой наружности:

– Сеньор, следуйте за мной. Моя бедная хижина и моя жалкая кладовая в вашем распоряжении.

– Большого я и не прошу, – ответил граф.

Буканьер поднял свою аркебузу и медленно пошел, окидывая взглядом кусты, – скорее по привычке, чем по надобности, потому что собаки не подавали никаких признаков беспокойства.

– А убитого вами быка вы оставите здесь? – спросил граф.

– Мой друг должен находиться недалеко, – ответил буканьер. – Он снимет шкуру и вырежет лучшие куски мяса.

– А остальное?

– Отдадим змеям и ястребам, сеньор, для нас важны только шкуры, которые с выгодой продаются в Пуэрто-Байада англичанам и французам, в большом количестве прибывающим туда каждые шесть месяцев.

– А испанцы вам не мешают?

– О! Беда, если они нас поймают! Но мы хитры, а кроме того, нас поддерживают флибустьеры Тортуги, наши добрые друзья.

– У вас есть знакомые на Тортуге?

– Очень много, сеньор граф.

– Когда вы там были?

– Всего три месяца назад.

– Гронье и Дэвис все еще там? У меня рекомендательные письма к ним и к Тасли. Это самые известные флибустьеры в наши дни. Не так ли?

– Да, сеньор граф, но вам придется поторопиться, чтобы вручить их.

– Почему?

– Потому что они в данный момент действуют на континенте, точнее – на Панамском перешейке, на Тихоокеанском побережье. Последние известия от них принесли флибустьеры с острова Сан-Хуан. Они, кажется, занимаются там нападением на галеоны, которые время от времени Перу посылает в Панаму.

²⁶ Буттафуоко (итал. Buttafuoco) – бросай огонь.

– Стало быть, я должен пересечь перешеек, чтобы найти их? – спросил сеньор ди Вентимилья, казалось, не слишком обрадованный этим известием.

– Капитан, – вмешался Мендоса, которого насторожило дурное настроение корсара. – Пуэбло-Вьехо находится на континенте, и мы не можем подойти к нему на нашем фрегате. Мы посетим этот чудный городок, чтобы позвать руку маркизу де Монтелимар; а потом отправимся разыскивать знаменитых флибустьеров, без которых ничего не сможем делать.

– Ты как всегда прав, дружище, – согласился граф, немного успокаиваясь.

– Вот моя хижина, – сказал буканьер, и в тот же момент собаки с радостным лаем бросились вперед.

Под группой великолепных высоких пальм из пальмовой поросли показалось жалкое жилище, построенное из плохо переплетенных веток и нескольких жердей; поверх каркаса были набросаны шкуры, которым полагалось защищать хозяина и его слугу от ливней, время от времени обрушивавшихся с неслыханной силой на остров.

В нескольких метрах, под навесом, помещалась кухня, состоявшая из трех или четырех камней, служивших камином, пары вертелов и глиняного кувшина с водой.

Вокруг сушились бычьи шкуры, хранилось вяленое и копченое мясо, прикрытое огромными банановыми листьями.

– Вот мой дворец! – рассмеялся буканьер. – Здесь многое надо бы починить, да у меня все не находится времени стать дровосеком. Входите, сеньор граф.

Внутри лачуга выглядела не лучше, чем снаружи. Охапка сухих листьев служила постелью – это была единственная мебель охотника, который когда-то, возможно, жил в изысканной роскоши в столице Франции.

К столбам были подвешены огромные ножи, перепачканные кровью по самую рукоятку, гигантские бычьи рога, наполненные, видимо, порохом, кожаные мешочки с пулями и тыквы, служившие бутылками.

– Индейское жилище! – определил граф.

– Хуже, сеньор! – ответил буканьер. – Эти дикари умеют строить хижины куда удобнее нашей... Располагайтесь, сеньоры, а я приготовлю для вас завтрак. Вот и мой помощник с припасами.

Перепачканный кровью с головы до ног юноша шел с трудом, неся на плечах большие куски мяса, вырезанные из бычьей туши, и восхитительный на вид язык.

– Быстрее, Корталь, – резко бросил буканьер. – У нас гости, им надо предложить великолепное жаркое из языка. У нас осталась со вчерашнего холодная свинина?

– Да, – ответил юноша. – А бычья шкура?

– Ты заберешь ее позже. Никто ее не унесет.

Новобранец бросил мясо в траву, мельком взглянул на гостей, дотронулся окровавленной правой рукой до своей выгоревшей и продырявленной в десятке мест шляпы; потом разжег огонь, в то время как хозяин готовил язык и нанизывал его на вертел.

– Нисколько не завидую жизни этого бедного паренька, – проговорил гасконец, указывая на новобранца. – А ведь и он, возможно, когда-то принадлежал к добропорядочному семейству.

– Сколько времени длится обучение? – спросил граф.

– Обычно три года, – сказал Мендоса. – Потом новобранцы переходят в буканьеры. Но три года продолжаются страдания, с парнями обращаются как с рабами, их не минуют ни побои, ни мучения всякого рода. В повседневной жизни буканьеров вечно сопровождает кровь, поэтому они быстро черствеют: убить что быка, что человека – для них одно и то же. В них есть только одно ценное качество: они честны и гостеприимны.

– А разве новобранец, когда он перейдет в буканьеры, не станет лучше обращаться со своим помощником?

– Дело так обстоит, капитан, – ответил Мендоса, – что они очень хотят выместить на новичке все побои, полученные ими в годы рабства, и все вынесенные мучения.

Пока они так беседовали, Буттафуоко и его слуга в четыре руки готовили обед, правда, очень обильный, но и очень простой, потому что состоял только из куса холодной свинины, плохо прожаренного бычьего языка и пальмовых завязей, которые – плохо ли, хорошо ли – заменяли отсутствующий хлеб. Бедным охотникам очень редко удавалось получить немного зерна, и этот день становился для них праздником. Жаркое вскоре было готово; помощник подал его на листе банана вместе с парой огромных костей, загодя перерубленных, чтобы удобнее было высасывать сырой и еще теплый мозг.

– Сожалею, сеньор граф, что не могу предложить больше, – сказал Буттафуоко, ставшийся быть любезным. – Владей я своим старым замком в Нормандии, не так бы принял племянника великого Черного корсара... Ба! – добавил он, сморщив лоб, и глубокое чувство вырисовалось на его загорелом лице, – не стоит пробуждать столь далеких воспоминаний. Прошлое для меня умерло, после того как я пересек экватор... Ешьте, господа!

Он разрезал огромным ножом язык и свинину, рассек на несколько кусков пальмовые завязи – и все это с какой-то злобой, выдававшей глубокую взволнованность, потом жестом показал гостям, что можно начинать трапезу.

Ели молча. Граф время от времени поглядывал на буканьера, а тот, видимо, боялся, что гость разгадает его волнение, торопился опустить взгляд или отворачивался, притворяясь, что надо отдать какие-то распоряжения помощнику.

Когда обед закончился, Буттафуоко предложил гостям толстенные сигары, свернутые им самим из табака, видимо, украденного с испанских плантаций; потом он обратился к Корталю, трапезничавшему на свежем воздухе, возле очага:

– Дай-ка, дружище, почетную фляжку: в нашем кругу находится граф.

Слуга пошарил под бананом и вытащил огромную тыкву, несколько бокалов из бычьих рогов и понес все это в хижину.

– Сеньор граф, – начал буканьер с нескрываемым огорчением, – я не могу предложить вам ни шампанского, ни бургундского, ни медокского, потому что мы не во Франции. Здесь у нас нет ничего иного, кроме агуардъенте, потому что на острове не производят изысканных напитков. А это – мой запас, который я кое-где отыскиваю с риском для жизни... Бывает, ночами он нужен мне, чтобы забыть прошлое, чтобы не плакать... Сеньор граф, примите от чистого сердца.

– Вы взволнованы, Буттафуоко! – сказал сеньор ди Вентимилья.

– Можно быть сильным, сеньор граф, – продолжал буканьер, – можно пересечь экватор, можно поклясться, что забудешь собственную страну... мою Нормандию... мой замок... любимую сестру, которая для меня теперь навсегда умерла... отца дворянина, который вместе с моей матерью покоится там, в одном аббатстве... Адские муки! Пейте, сеньор граф... и я тоже выпью!

Он порывисто схватил чашу из бычьего рога и залпом осушил ее, а потом закричал:

– Еще, Корталь, еще! Надо залить эти давние воспоминания! Эх, какая печальная судьба выпала на мою долю!

Лицо гордого буканьера страшно изменилось.

Он не плакал, но видно было, что сдерживать слезы стоит ему невероятных усилий. Возможно, он злился, что выдал свой секрет.

– Пейте, сеньор граф, – через несколько мгновений повторил он, осушая вторую чашку. – Вот уж никогда не думал, что приму в этом убогом жилище дворянина из далекой Европы. Конечно, я одно время надеялся, что появится кто-нибудь и случайно найдет меня, но это были пустые мечты.

– Продолжайте, Буттафуоко, – вымолвил граф, – вы ведь среди друзей.

Буканьер опрокинул и третью порцию агуарденте, потом раздраженно махнул рукой и продолжал сдавленным голосом:

– Проклятый Париж! Гнусный обольститель, сдавивший меня в своих лабиринтах! Лучше бы я тебя никогда не видел! Многие тысячи твоих искушений сделали из меня жалкого буканьера, мясника в лесах Сан-Доминго!.. Проклятые карты! Вы меня разорили!

– Но кто же вы? – спросил граф, глубоко задетый жестокой болью, отразившейся на лице буканьера.

– Сами видите, – нервно усмехнулся Буттафуоко, – охотник на быков... жалкий авантюрист. С тех пор как я пересек экватор, у меня больше нет родины, нет семьи, нет дворянского звания, нет ничего, кроме аркебузы, из которой я каждый день убиваю, чтобы не убить свое сердце.

В четвертый раз он опорожнил чашку, налитую ему помощником.

– Прошли годы, – продолжал несчастный, сжимая голову руками, словно пытался подавить терзавшие его мысли, – а я все еще вижу свой замок на берегу пруда, величественно вздымающийся своими башнями и пинаклями; порой ночами я вижу, как прогуливается по террасам нежная девушка, моя сестра; я отдал бы жизнь, лишь бы видеть ее счастливой... Один бретонский барон взял ее в жены... Пусть она будет счастлива и навсегда позабудет своего несчастного брата... Корталь, дай мне еще выпить. У меня жажда, ужасная жажда!

Он несколько минут помолчал, мрачный, дрожащий от волнения, уставившись расширенными глазами в полный стакан, а потом сказал:

– Да, такова жизнь, если уж она стала добычей злого гения. Особенно после жестокого падения! Лучше бы уж в двадцать лет меня прикончил укол шпаги где-нибудь посреди яблоневых садов моей Нормандии! Тогда бы я никогда не увидел Парижа, по крайней мере не спустился бы, ступенька за ступенькой, в тюремную грязь... не запятнал бы герба своих предков... не забыл бы свою Францию... не сменил бы имя... не стал бы искателем приключений... не бежал бы как вор... и не вынудил бы плакать это бедное создание – мою сестру!

– Буттафуоко! – закричал граф.

Буканьер вскочил, глаза его расширились, лицо покрылось каплями пота. Он схватил аркебузу, подвешенную на столбе, поддерживавшем хижину, потом быстро вышел и исчез за деревьями.

– Твой хозяин всегда таков? – спросил граф новобранца, неподвижно стоявшего на пороге хижины.

– Я никогда не видел, как он смеется, – ответил Корталь. – Он всегда печален.

– Он не один такой, – вмешался гасконец. – Сколько среди буканьеров встретишь людей, бывших когда-то богатыми и уважаемыми!

– А сколько дворян позабыли Европу в Америке! – не сдержался корсар.

– Верно, сеньор граф, – вздохнул гасконец. – Я, впрочем, быстро забыл По и свой полуразрушенный замок, хотя не видел Парижа с его фатальными соблазнами.

– А сколько порядочных людей он сгубил! – сказал граф. – Лучше уж жить в Провансе!

Он, в свою очередь, вскочил, вышел из хижины и отправился разыскивать буканьера.

Охотник исчез, однако в кустах послышались ружейные выстрелы. Граф только что закончил курить сигару и уже хотел вернуться в хижину, когда увидел вышедшего из зарослей Буттафуоко, мрачного как никогда. Присмотревшись, граф заметил, что глаза охотника покраснели, словно он долго плакал.

– Буря прошла? – мягко спросил сеньор ди Вентимилья.

– Ураганы на Сан-Доминго длятся недолго, – с печальной улыбкой ответил буканьер. – Все прошло и уже забыто! Я убил двух кабанов там, на краю болота... Это – мое ремесло.

Граф протянул ему правую руку:

– Пожмите ее! – сказал он.

– Нет, сеньор граф, я больше не достоин коснуться руки почитаемого кабальеро. Мы ведь не в Нормандии.

– Пожмите, говорю вам.

– Хорошо, но не сейчас. Когда мы расстанемся навсегда и я скажу вам, кем был ... может быть, тогда ... Сеньор граф, солнце зайдет через четыре часа, а до виллы маркизы де Монтелимар далеко. Не хотите ли отправиться в дорогу? Мы придем в Сан-Хосе перед рассветом, а в этих краях лучше странствовать по ночам. Полусотни время от времени прочесывают эти леса; их алебарды не представляют опасности – в отличие от ужасных псов, сопровождающих людей.

– Я готов следовать за вами и во всем подчиняться, – ответил корсар.

– Вы уверены, что маркиза вас не предаст? Мне знакома эта красивая госпожа; я встречал ее несколько раз в окрестностях фактории.

– Она безукоризненно благородна; однажды она уже спасла мне жизнь.

– Этого хватит, – прервал графа буканьер. – Зовите своих спутников, сеньор граф, и предупредите их, чтобы они взяли аркебузы. У меня всегда есть три-четыре ружья в запасе, все – нужного калибра, с пулями весом в унцию.

Услышав команду графа, подошли Мендоса и гасконец, за ними – новобранец, который нес ружья и боеприпасы, словно угадал мысли хозяина.

– В путь, друзья, – сказал сеньор ди Вентимилья. – Буттафуоко будет нам проводником.

Буканьер приблизился к своему помощнику, вопросительно смотревшему на него.

– Ты остаешься здесь, – сказал он с грубой снисходительностью, – и подождешь моего возвращения. Я могу не возвращаться неделю или месяц – не беспокойся обо мне. Если будут угрожать испанцы, укройся в колонии на мысе Тибурон, там мы встретимся. Остерегайся полусотен и позаботься о моих собаках. Прощай!

Резким свистом он подозвал свою любимую собаку и отправился в путь рядом с графом, надвинув поглубже свою шляпу, чтобы получше уберечься от жгучих солнечных лучей; позади шли гасконец и Мендоса.

Ориентируясь по солнцу, он пересек заросли, скрывавшие его хижину, и решительно направился через лес на запад.

Впереди охотника бежала его собака, время от времени обнюхивавшая землю и поднимавшая глаза на хозяина, словно желая его спросить, правильно ли они идут.

– У вас есть корабль, сеньор граф? – спросил буканьер, после того как они прошли с пару миль.

– Он должен ждать меня у мыса Тибурон – ответил корсар.

– Вилла маркизы де Монтелимар расположена недалеко от моря. Вы можете увидеть мыс из окна фактории.

– А полусотни не будут искать нас там?

– Кто знает... Они прочесывают остров вдоль и поперек, и никогда не знаешь, где они остановятся. Но маркиза достаточно влиятельна в Сан-Доминго; ей под силу покровительствовать вам.

– Я в этом убедился.

– Тогда вы можете спокойно дожидаться там свой корабль, не подвергаясь опасности ареста, – улыбнулся буканьер. – Знаю, чего стоит эта сеньора.

– Вы с ней знакомы?

– Я видел ее один-единственный раз, когда она верхом ехала через лес; я даже оказал ей при случае небольшую услугу. Не окажись я тогда на ее дороге и не убей ее лошадь метким выстрелом из аркебузы, кто знает, была бы еще жива сеньора де Монтелимар, и...

Буканьер прервался, а его собака наострила уши и сделала стойку.

– Что такое? – спросил корсар.

- Пока что ничего, – ответил Буттафуоко, слегка нахмурившись.
- Вы, похоже, обеспокоены чем-то.
- Возможно, я ошибся.
- И ваша собака тоже?

Буканьер некоторое время прислушивался, одновременно наблюдая за поведением собаки, которая то поднимала, то опускала уши.

- Мне кажется, я слышал далекий лай.
- Это означает, что по нашим следам идет какая-то полусотня?
- Вполне возможно, сеньор граф. Давайте уйдем с открытых мест и направимся в лес.

Там мы будем в большей безопасности.

Глава VII. Охота за людьми

Как раз направо от них находился густой лес.

Буттафуоко, знавший эти места куда лучше гасконца, которому – несмотря на буссоль в мозгах – не удалось бы найти факторию, где можно было бы нанять лошадей, встал во главе маленького отряда, прорубая то и дело проходы в зарослях двумя тесаками, прихваченными в хижине.

Ищейка чудесно помогала ему, находя путь в мрачных лесных зарослях.

Время от времени собака и ее хозяин останавливались, прислушивались, потом возобновляли движение, проявляя признаки беспокойства, что не ускользнуло от внимания графа.

Солнце уже зашло, а они все шли через этот бесконечный лес, как вдруг буканьер остановился перед огромным тамариндовым деревом и сказал:

– Сеньор граф, нас преследуют; бесполезно скрывать это.

– Кто? – спросил корсар.

– Наверняка полусотня, и может быть, не одна.

– Как вы это узнали?

– Когда живешь в лесах, слух приобретает невероятную остроту и тотчас улавливает самые отдаленные шумы. Повторяю вам, нас преследуют, и, возможно, наши преследователи не так уж далеко.

– Однако я ничего не слышу. А ты, Мендоса?

– Я слышу только пение лягушек и жаб.

– А я еще слышу, как падают листья и плоды, – добавил гасконец.

– Мне же все время слышен отдаленный лай, – сказал буканьер. – Кто-нибудь видел, как вы шли через лес?

– Мы обратили в бегство полусотню и убили их пса, шедшего впереди, – ответил граф.

– Тогда все понятно! – сказал Буттафуоко. – Та полусотня, должно быть, встретила другую, у которой были собаки, и вот теперь этот отряд преследует нас. Они не остановятся, пока нас не настигнут... Скверное дело!

– Давайте попробуем поскорее добраться до поместья маркизы де Монтелимар, – предложил граф.

– Ее имение еще далеко, – ответил буканьер. – Даже если мы побежим изо всех сил, мы не сможем до него добраться раньше восхода солнца.

– А близко ли испанцы?

– Они-то, может, и нет, но их собаки близко, а эти бестии опаснее людей. Я их слишком хорошо знаю! Их не случайно зовут душителями. Берегитесь их, сеньор граф.

– Что вы решили? Ждать их нападения здесь или продолжить путь?

Вместо ответа Буттафуоко внимательно осмотрел дремучий лес, где перекрещивались бесконечные плети лиан, заплетаясь тысячью узлов вокруг стволов деревьев и свешиваясь с них красивыми гирляндами.

– Попытаемся запутать наши следы, – сказал он, осмотревшись. – Возможно, нам удастся воздушный переход. Надо только действовать быстро и рассмотреть дорогу как можно лучше.

Он забросил аркебузу за спину, вцепился в свисавший с тамаринда пучок лиан и подтянулся на руках.

– Попытайтесь сделать то же самое, – сказал охотник.

– Что ж! Полазим по лесным вантам! – согласился Мендоса. – Конечно, я предпочел бы любой морской маневр этому бесконечному маршу... Сеньор Баррехо, представьте себе, что вы находитесь на трехпалубном судне.

Граф, отлично понимавший, что задумал буканьер, быстро вскарабкался по другой связке лиан, показав ловкость искусного гимнаста.

Буттафуоко добрался до крупного сука тамаринда и, все время пользуясь этими прочнейшими природными веревками, перебрался на огромное хлопковое дерево, потом на пальму, потом еще на одну, бесстрашно продолжая свой воздушный путь.

Перебираться с одного дерева на другое было нетрудно, потому что деревья росли так близко, что переплетались своими ветвями. Даже и без лиан такой маневр не представлял трудностей для ловкого человека. Ищейка, которой – увы! – предстояло пасть жертвой жестоких и могучих кубинских псов, следовала за хозяином по земле и жалобно скулила.

– Эта дурашка выдаст нас! – сказал Мендоса буканьеру, воспользовавшись короткой передышкой.

– Точно, – ответил Буттафуоко, поднимая аркебузу. – Очень жаль, но ее смерть необходима.

Едва он закончил фразу, как бедная ищейка рухнула на землю, пораженная не знающей промаха пулей охотника.

– Странно! – сказал буканьер, проводя рукой по лбу. – Мне кажется, я совершил преступление. Так вот! Необходимость в лесу – вне закона.

Он перезарядил аркебузу и прислушался. Далекий лай ответил на ружейный выстрел.

– Испанцы собрали целую ватагу псов, – заключил он. – К счастью, они могут обложить нас, но достать – им не под силу.

– А полусотня, что идет за ними? – спросил граф.

Буттафуоко пожал плечами.

– Алебарды проигрывают аркебузам, – сказал он. – Я вообще не интересуюсь этими бандами. Продолжим наш путь, сеньоры. Кубинские псы взяли наш след и идут по нему; нам не следует задерживаться здесь, возле трупа моей ищейки.

Он продолжил свою дьявольскую гимнастику, скользя по веткам и лианам, то взлетая вверх, то опускаясь почти до самой земли, избегая при этом касаться ее, чтобы не оставить на почве ни малейшего следа.

Они преодолели еще пятьдесят метров и только что укрылись в листве симарубы²⁷, когда совсем недалеко послышался яростный лай.

Это появились кубинские доги. Не обнаруживая больше следов беглецов, они выражали свое раздражение отчаянным и угрожающим лаем.

– Они должны бы найти труп моей собачки, – сказал буканьер, оседлавший толстый сук подле графа.

– А если и нас обнаружат? – спросил тот.

– Не могу вам сказать, сеньор, – ответил Буттафуоко. – У этих проклятых зверюг великолепный нюх.

– Но мы сидим на очень высоком дереве.

– Вижу, – улыбнулся буканьер. – И все-таки я не абсолютно спокоен. Эти мастифы ужасны, как я вам уже говорил.

– Давайте помолчим.

– Это будет лучше для нас.

Кубинские доги продолжали яростно лаять шагах в пятидесяти. Как и сказал Буттафуоко, они, должно быть, обнаружили труп ищейки и теперь носились по лесу, отыскивая следы беглецов.

²⁷ Симаруба (лат. *Bursera simaruba*), или американский бальзам – дерево из семейства симарубовых; шесть видов симарубы произрастают в Америке от Флориды и Вест-Индии до центральных районов Бразилии; известно как лекарственное растение.

Внезапно послышался звонкий лай, отличный от других, более высокий, за которым послышался шорох листвы.

– Они пришли! – сказал Буттафуоко. – Всем молчать.

Мендоса и гасконец приникли к своей ветке, сжимая в руках аркебузы.

То же сделали и Буттафуоко с графом, стараясь оставаться невидимыми. В темноте леса слышался звонкий лай, который постепенно удалялся.

– Ушли! – сказал буканьер графу. – Теперь будьте внимательны: полусотня должна быть где-то близко, я в этом уверен.

– Она приближается? – спросил вполголоса сеньор ди Вентимилья.

– Она следует всегда за собаками. Прислушайтесь внимательно. Слышите?

– Да, легкий шорох.

– Это испанцы идут по лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.